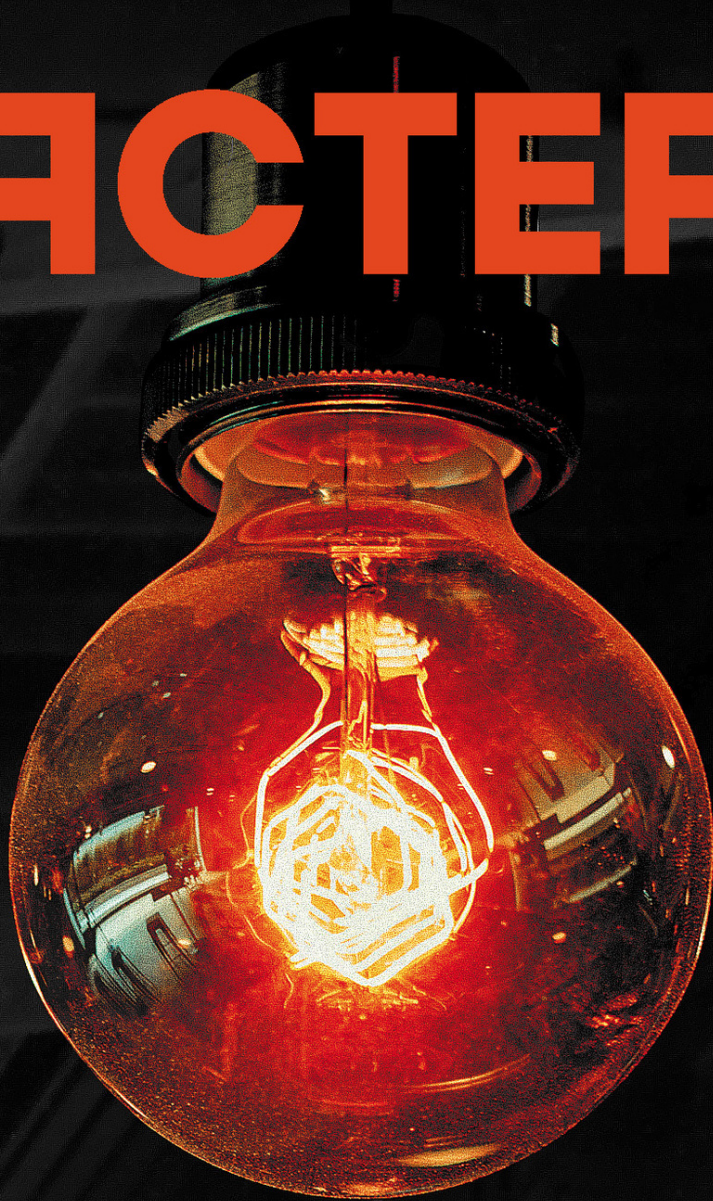

ДМИТРИЙ ЗАХАРОВ

КЛАСТЕР

То, что нас
не убивает,
совершает
большую
ошибку.

АКТУАЛЬНЫЙ
РОМАН

Актуальный роман

Дмитрий Захаров

Кластер

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Захаров Д. С.

Кластер / Д. С. Захаров — «Издательство АСТ»,
2017 — (Актуальный роман)

ISBN 978-5-17-132740-8

Темнота холодна. Темнота – самое древнее зло: сжимает, разрывает, утаскивает. Все это знают: и Лара, и Руся, и Серый Собак. Знает это и маленький медведь Сёма. Сколько он себя помнит, от протянутых лап темноты его берегло только главное солнце – то, что воткнуто в самую середину потолка. Вот только это солнце совсем скоро закончится: осколки уже падали за Кукольным Домом. Чёрное солнце – что может быть страшнее? ...разве только ловцы.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-132740-8

© Захаров Д. С., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

1	6
2	11
3	15
4	20
5	28
6	34
7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дмитрий Захаров

Кластер

«То, что нас не убивает, совершает большую ошибку»
Надпись на стене

© Захаров Д. С.

© ООО «Издательство АСТ»

1

Мышиный шаг

Голову генеральному отрезали легко. Ирка аккуратно чиркнула лезвием, слегка надавила, и вот уже башка Петра Михайловича валяется на полу.

– А вы уверены, что новый ходит в белом? – засомневалась девочка-палач.

Андрей ещё раз смерил взглядом стенд. Теперь в его левой части громоздилось безголовое чучело в костюме то ли жениха, то ли моряка в парадном. Андрей пожал плечами.

– А есть разница?

– Ну, не зна-а-ю, – капризно протянула Ирка, всем видом давая понять, что разница есть. – Он, может, и не такой совсем. И, может, не любит белый. Полно народу, кто не любит белый! Вот и на фотке он в свитере.

– В джемпере, – автоматически поправил Андрей. – Ира, клей голову и не отвлекайся, осталось меньше часа.

Он толкнул дверь и провалился в вавилон. Монтеры, облепившие стремянки, вешали на стены приветственную белиберду. Тут и там возникали уборщицы с пылесосами и тряпками. Мимо носились толпы лакированных гейш, то и дело роняя стопки бумаг, поскальзываясь на каблуках и что-то выкрикивая. Промелькнула тень начальницы орготдела с сахарницей в руках. Наконец, незнакомая леопардовая девица едва не засветила Андрею гигантским портретом по голове.

От греха подальше Андрей поспешно свернул к лифтам. Ему было нужно на девятнадцатый, но кабина шла только по чётным. Это значит – прыгивать на этаж раньше, а дальше – через Финуправление. В обычной жизни к «финикам» никто сам не ходит, поскольку местные давно выработали видовой признак – смотреть на тебя как на говно. Но как раз сегодня здесь может быть весело. Сегодня ведь «в связи с утратой доверия» провожают Игоря Леонидовича.

Двери лифта со всхлипом разъехались, и оказалось, что весело – не то слово. Здесь не было беспорядочной беготни, заполошных криков и офисных орд. Здесь вообще, казалось, не было никого и ничего, кроме неспешных тихих людей в синей форме.

Синие проплывали сквозь разбитые стёкла секционных перегородок и распахнутые двери кабинетов с выломанными замками. Выносили пухлые нумерованные папки и сваливали их прямо в коридорах. Хлопали дверцами шкафов и сейфов. Потрошили, пристально рассматривали и надписывали.

Пытаться проскочить через весь этот джаз не имело смысла. Андрей сразу свернул к «конкурсам и закупкам», надеясь, что их коридор пострадал меньше. Однако за первым же поворотом навстречу попались те же синие. Они «сопровождали» теперь уже бывшего начальника «фиников» Игоря Костылева. Выглядел гросс-бухгалтер отменно: рубашка разорвана, мокрые волосы залепили лицо, пальцы оставляют на полу кровавые следы, из носа сочится красное. Один из синих то и дело подходил к Костылеву и пинал его под дых. Несильно так, с пониманием. Костыль в ответ булькал, задыхался, но снова принимался ползти.

Андрей чуть притормозил, пытаясь напоследок запомнить лицо Игоря Леонидовича. Жаль, надолго останавливаться было нельзя, и он свернул в параллельный коридор. Омерзительный был тип. Сидит, бывало, и, глядя на тебя, нижнюю губу пощипывает. «А это всё блажь, – говорит добреньким голосом. – А обоснованиями вашими подотритесь. И тем мукам, что вам их готовили, кусочек оторвите». Гондон.

* * *

На девятнадцатом мордатый охранник в усах, тот самый, что проверял Андрея перед прошлым совещанием, снова потребовал удостоверение.

– Вы что, меня не помните? – зачем-то спросил Андрей.

Охранник смерил посетителя скептическим взглядом и ничего не ответил. Удостоверение морда рассматривала долго: проверяла дату, подносила к свету фотографию, скребла по пластику ногтем. Хотелось съездить усатой скотине в глаз и потом добавить пару раз по зубам. Но вместо этого Андрей принялся разминать левой рукой пальцы правой, громко щёлкая костяшками. Это почти всех раздражает.

Наконец, охранник вернул удостоверение, чуть посторонился, и Андрей толкнул дверь и протиснулся в холл. Перед кабинетом шефа Департамента развития уже толпились кураторы направлений. Держали разговоры про предстоящий запуск, аккуратно шутили про «новую метлу» и предусмотрительно помалкивали об истории с Костылевым.

Чтобы убить время, Андрей прошёлся вдоль алого золота здешних икон – портретной галереи, в которую прежний гендир обернул большую часть приёмной. На самом верху, как и положено, громоздился Верховный. Его изобразили в любимом летном шлеме, на котором красовалась эмблема «Микрона»: медведь, разрывающий атомное ядро. От Верховного вниз пирамидкой генеалогического дерева разбегались профильные министры, советские атомные директора и, наконец, директора «Микрона» – уже в обновленном составе, с большеглазым и лысоватым новым – Петром Михайловичем.

Андрей тоже держал в кабинете похожий иконостас, только с любимцами юности Билли Корганом, Пи Джей Харви и Джошем Хомме. Посетители поглядывают на незнакомые лица, но ничего не говорят. Должно быть, думают, что это сенаторы кластера – их никто не помнит в лицо. Андрей и сам вряд ли бы смог опознать нынешний состав: уже много лет сенаторы – это какие-нибудь трижды заслуженные первопроходцы, списанные со всех постов в виду невозможности доверить им отточенный карандаш. Так и не поверишь, что во времена прежней атомной конторы – Русмикро – в совете действительно что-то варилось. Вроде бы даже публично фехтовались с руководством кластера. С ума сойти, короче.

* * *

Планёрка началась вовремя, и это было дурным знаком. Обычно руководство даёт себе фору: чем больше, тем менее серьёзный разговор предстоит. И наоборот: следование регламенту подтверждает, что лучше вжать головы поглубже, поскольку на ЭсЭс Рябова накатило.

Начдеп Сергей Сигизмундович – маленький сутулый человек, будто бы личинка своего огромного кресла, – пренебрёг предварительными ласками и сразу же объявил главную новость. Глядя прямо перед собой и постукивая по столу двумя пальцами, он сообщил, что президент кластера срочно выехал в Иран и прибыть на запуск не сможет. В связи с этим новый гендиректор «Микрона» принял решение отложить включение установки на неделю. Все сопутствующие мероприятия – тоже.

Это был даже не удар, а выстрел в голову. Андрей почувствовал, как задёргалось левое веко. Почему-то всегда левое. Он на секунду закрыл глаза, а когда открыл, перед взглядом поплыли мыльные пузыри.

Снова отложить производство первой партии было абсолютным, космическим провалом. Как с улюлюканьем сжечь ракету на стартовой площадке. Как под крики «ура» пустить на дно свою новейшую субмарину. «Микрон» будет во всех новостях недели две – без вариантов. А

потом и за полгода не отмоешься, даже если широким гребнем цеплять эфиры, скупать полосы и посты.

«Иран, – попробовал прожевать это слово Андрей. – Какой, мать вашу, Иран! У них что там, совсем гуси улетели?! Какой может быть Иран вместо запуска?!» Он в подробностях представил вечерние новости, особенно на второй кнопке, которая сейчас под Росастро. А ещё раньше взвоят тг-каналы, заведя хоровод глумливого скотства. И потом ещё приглашённые. И смешки работяг. И концерт. Твою за ногу, ещё же концерт...

Андрей поднял руку, и Рябов тут же поймал его в прицел квадратных очочков. Чуть качнул подбородком, разрешая говорить.

– Я хотел бы обсудить, что делать с отменой концерта, – сказал Андрей неожиданно хрипло, – думаю, имеет смысл составить список ответственных за работу с техподдержкой, арт-менеджментом, приглашёнными...

– Ах да, – перебил его Рябов, – своевременное замечание. Как раз концерт отменять не будем, там были сложные договорённости. Только начнём его в свете последних событий на пару часов пораньше.

Ещё новости.

– Мы не успеем, – сказал на это Андрей.

– Что значит «не успеем»? – притворно удивился Рябов. – Вы, Андрей Сергеевич, не можете не успеть. Участок работы не позволяет.

– Сергей Сигизмундович, мы же сейчас о внешних говорим. Они нашим распоряжениям не подчиняются. Я никак не успею организовать аккредитацию и пропустить журналистов через безопасность.

Некоторое время молчали. Рябов снял очки и задумчиво тёр их дужку пальцами. Остальные устали в ежедневники.

– Ни у кого нет идей? – наконец, поинтересовался начдеп. – Скверно. У нас последнее время за что нихватишься – нет идей. Рекомендую поразмыслить, насколько это может быть чревато. Можете поинтересоваться в финуправлении, кстати.

Он перевел взгляд на Андрея.

– Тогда так: прессу, раз с ней столько мороки, совсем убираем, и занимаемся мероприятием как сугубо корпоративным. Серьёзным корпоративным мероприятием.

– Какой будет публичная версия? – спросил Андрей.

– Версия? – снова изобразил удивление Рябов. – Да не нужно никакой версии. У нас иранская программа с участием премьер-министра проходит.

Андрей выскочил из кабинета и прыгнул в лифт. Размахивая удостоверением, заставил пустить его до своего седьмого без остановок. А оказавшись снаружи, сразу же набрал Ирку – старшую за концерт и музыкальную тусовку. От новых перспектив та ожидаемо впала в истерику.

– Пусть теперь сами рулят! – всхлипнула она и бросила трубку.

Андрей выждал полторы минуты и перезвонил снова. Ирка всё ещё злобно огрызалась, но сказала, что уже связывается с участниками. И вообще, не беспокойтесь, начальник, катитесь колбаской.

Андрей удовлетворенно хмыкнул.

– Ира, кто сегодня выступает, напomini ещё раз.

– Хотели, чтобы для разогрева «Бегония» вышла, ретро-диско. Но раз со временем всё меняется, будет сразу Алиса Сикорская. Под занавес – программа для ветеранов корпорации – «Золотые планки».

– Ага, – сказал Андрей. – Нормально. Сикорская... Я же, правда, откуда-то знаю эту фамилию?

– Ну-у, – протянула Ирка, – вряд ли. Лет пять назад были такие «Любовники Марии Стюарт». Она там пела. Но ты же такое, поди, не слушаешь?

– Значит, показалось, – согласился Андрей. – Ладно, Ира, побежали.

* * *

Оказавшись внутри концертного зала, он не без труда протолкался вперёд. Выяснив у Ирки, что в целом всё в норме – опоздание будет незначительное, перебрался в свой «сектор обстрела» – зону на стыке танцпола и отгороженной техплощадки, откуда просматривались одинаково хорошо как лаунж руководства, так и пространство перед сценой.

Начали хоть и по графику, но будто бы для отвода глаз: после того, как погас свет, а зал рассекли зелёные и красные лучи прожекторов, минут двадцать ничего не происходило. В первых рядах шептались о годовой премии, тайком курили вэйпы и неловко обнимались. Динамики расслабленно бубнили скучное ретро-попурри. Оставался буквально один шаг до того, как проявится дядя, который закажет для Толянчика «Шансонъетку».

При этом вокруг сцены потихоньку начали вырастать из пола ребята с витыми проводами от уха. На некоторых были злодейские чёрные очки, но Андрея куда больше смутили открыто поднятые к плечу ладные uzi. На массовых мероприятиях «Микрона» вооружённая охрана появлялась и раньше, но чтобы взвод автоматчиков, напоказ...

Мудаки, думал Андрей, со злостью рассматривая ближайшего терминатора, зарницу что ли решили на отменённом мероприятии разыграть? Засветиться перед новым главным? Да что они, суки, творят?!

И тут ударил барабан. Андрей вздрогнул и инстинктивно повернулся к звуку – на сцене по-прежнему была темень, и от этого казалось, что он идёт откуда-то ещё. Барабан продолжал колотить мерно, на одной ноте, к нему добавились клавиши, выводящие меланхоличную, прозрачную линию. А следом, будто бы вдалеке, заскрежетала виолончель.

Сикорская выскользнула из-под ограждения справа от сцены – и сразу же была поймана прожекторами. В перекрещивающихся кругах света оказалась высокая рыжая девица в зелёном платье-балахоне с серебристыми наплечниками. Она стояла, приложив руки ко лбу, будто проверяя, не поднялась ли у неё внезапно температура. Затем Алиса заулыбалась и, резко вскинув правую руку, помахала танцполу.

– Доброго! – крикнула она. – Здравствуйте!

Народ засвистел в ответ. На сцену полетели заготовленные общественной приёмной цветы – в сопроводительной записке говорилось, что звезда любит жёлтые розы.

– «Холодные!» – объявила Алиса.

Барабан и подключившийся бас добавили темп. Клавиши затихли, а всё отвоёванное ими пространство вдруг занял голос: высокий, ломкий и усталый.

– Мерцай-мерцай, звёздочка, – закрыв глаза, запела Алиса, и как-то сразу стало понятно, что это последняя песня. Самая окончательная. После которой уже ничего не может быть. Да и не очень нужно. Слова падали откуда-то сверху ледяными осколками, пока почти не кончились. Тогда Алисин голос вдруг остался на периферии, превратившись в далёкий детский плач, а сама Сикорская опустилась на сцену и, скрестив ноги, чуть покачиваясь, нараспев выпевала одну и ту же строчку:

– ...спи-и-и, пок-а-а снег идё-ёт...

Барабана больше не было, а гитара вошла в бесконечный цикл, нанизывая петли. Тихо-тихо Сикорская повторяла свою выпавшую из стиха фразу. И с каждым произнесением музыка будто становилась отчаяннее, темнее и горше. Андрей почувствовал, что его бьёт электричеством, и тоже закрыл глаза.

И тут музыка рассыпалась. Алиса Сикорская снова стояла на сцене в полный рост.

Танцпол выдержал паузу секунд в десять. Затем заплодировал – то ли в самом деле понравилось, то ли опять приёмная подстраховалась. Толпа пришла в движение, но ребята с uzi качнули её от сцены. Алиса раскланялась, затем подобрала и бросила в зал цветы, а следом – воздушные поцелуи. Небрежным движением она сдёрнула с плеча лямку платья – и не стала её поправлять.

– «Мышиный шаг», – сказала она. – Это на самом деле очень древняя колыбельная.

Дальше был десяток композиций в диапазоне от тихих клавишных баллад до рок-«боевиков» или отчаянных диско-пульсов. Сеанс продолжался минут сорок. За это время Алиса сорвала со второго плеча (на котором держалось платье) серебристое «крыло», пару раз сделала вид, что готова упасть со сцены в зал, вылила на себя две бутылки воды, вызвав взрыв довольных криков, а потом расстегнула и сбросила сапоги, оставшись босиком.

– Вот бы голову с пле-е-еч, – неслоь над залом, – голова будет лете-е-еть, колоколом звене-е-е-ть!..

Закончилось всё внезапно.

Андрей так и не понял, что случилось. Он только заметил, как один из охранников вдруг прыгнул под ноги зрителям – так делают в регби, когда хотят накрыть мяч собой. За охранником потянулся луч прожектора, и на пару секунд стало видно крохотный плакат. Разобрать всё не было ни времени, ни возможности, но первые слова были «мы ждём», а потом что-то про «фронт».

На помощь первому охраннику бросились ещё несколько. Остальные тут же выскочили на сцену, прикрывая певицу и музыкантов. Площадка в момент ошетибилась автоматами. В толпе хрипло завопили и бросились к выходу. Послышались тихие дробные хлопki – не то стреляли с глушителем, не то что-то лопалось под ногами бегущих. Люди сцепившимся клубком катились к главному выходу. Дверь, у которой открылась только одна створка, моментально забила спрессованными телами. Около служебного входа началась рукопашная между парнями из техслужбы. Над головами летали микшерские пульта и раскладные стулья.

Андрей успел увидеть лицо Сикорской – до крайности удивлённое. Алиса, не отрываясь, смотрела на пустеющий танцпол, по которому всё ещё подпрыгивали какие-то тени со своим странным плакатом. Чей-то локоть с размаху саданул Андрея по переносице, и в глазах враз помутнело. Вот интересно, что там сейчас у генерального, с отрешённым спокойствием подумал он, чувствуя, как лицо заливают кровь. Андрей понял, что падает, и полностью расслабился. Теперь сопротивляться уже было совершенно бесполезно. Его ещё дёрнуло от боли, когда чей-то каблук раздробил ладонь, а потом наступил на пальцы, но после этого уже ничего не было. Сознание, наконец, потерялось.

2

Метранпажи

Сёма отскочил в сторону: светлая клеточка, на которой он стоял, пропала, выключилась вслед за лампой на потолке.

Теперь цельной дорожки до деревянного бруска нет, тёмное перечёркивает её дважды: через пять квадратов и потом совсем далеко – уже у выхода. Отсюда и не сосчитаешь, через сколько именно. Темнота подъела сразу два квадрата подряд, но вроде бы можно наискосок. Отсюда кажется, что можно. Конечно, если хорошо прыгнуть...

Сёма посмотрел на правую стену: кусочка света около неё теперь тоже нет. Как только центральный плафон перестал трещать и моргать усталым красным, правой стороне уже не перепадает даже мутного сумеречного пятна. Сплошная стена темени, такая плотная, что её, кажется, можно потрогать.

Сёма завороченно протянул к этой чёрной глыбе лапу, но сразу отдернул – ему показалось, что лапа тоже начинает чернеть. Это, конечно, ерунда. Так не бывает. Просто немного страшно. Здесь всем немного страшно, и ему тоже. Это так и полагается. Это такое специальное место.

Сам не понимая зачем, маленький медведь пригнул голову и вжался в пол. Теперь он не шёл, а почти полз вперёд, зацепившись взглядом за разошедшийся деревянный брусок на линии горизонта. Отсюда деревяшка выглядит просто каким-то мелким мусором, помаркой на чистом полу или чёрточкой на круге света. Но Сёма уже дважды подходил к ней вплотную и поэтому знает, что она такое. Медведь запомнил её во всех деталях. И запах, и какая она на ощупь. Очень приятная: шершавая и совсем не холодная, как остальное вокруг. И за ней сразу всё заканчивается – из-под створок ворот уже бьёт совсем другой свет. Можно встать на тёплое, толкнуть лапой облезлое железо двери и выйти. Совсем выйти.

Сёма сосредоточенно полз и ещё какое-то время прыгал по квадратам. Со стороны могло показаться, что он играет в гигантские классики, только подходит к игре уж слишком всерьёз: долго готовится к следующему «ходу», выбирает место, прицеливается. Ритм игры сломался только там, где из освещённой дорожки были выбиты две секции. Медведь постоял, оценивая, можно ли будет как-то перебросить через них динозавра. Скорее всего, нет. Ему здесь не разбежаться. И промахнётся он – Яша очень неуклюжий.

Попробовал примериться к другим путям – нет других путей.

И тут моргнула лампочка.

Это была всего секунда. Маленькая, ничего не значащая секунда, на которую три квадрата перед деревяшкой провалились и перестали быть частью пути. Сёма зажмурился от ужаса. Нет-нет, она надёжная! Она никогда раньше так не делала и больше не будет! Сёма через силу снова открыл глаза и заставил себя устоять на лампу. Она действительно больше не мигала. Медведь караулил лампу не меньше десяти минут, и только после этого решился продолжить свой поход.

Наискосок перепрыгнуть и в самом деле получилось. Приземлился даже с запасом. До деревяшки добрался без проблем и ещё раз убедился – здесь всё по-прежнему. Чуть приоткрытая створка ворот, валяются гнутые гвозди и кусок будто бы жёванной резины.

Сегодня. Надо идти сегодня. В крайнем случае – завтра. А то действительно и эта заморгает... Сёма ещё раз оглянулся на лампочку. Светит ровно. Очень хорошо так, уверенно, будто бы ничего и не было. Ну, и пусть её. Ну, и ладно.

Назад, как обычно, пропрыгал в два раза быстрее. Рассматривая побитое пятнами чёрных дыр световое поле, снова вспомнил про динозавра и снова ничего не придумал. Вот ведь беда.

Некогда уже размышлять. Думали-думали, а оно вон как выходит – уже на четыре клетки больше погасло. И Катю всё равно потеряли из-за этого Второго фронта...

Он выбрался со склада и оказался перед завалом из металлических мусорных контейнеров. Они были составлены один на другой и рядом друг с другом – как кубики из конструктора. Те, что внизу, – пустые, а в верхних, если посветить фонариком, что-то блестит. Но никто лезть не захотел. Блестит и блестит. Мало ли.

Сёма повернул налево и обогнул циклопическую железную кювету, на которой было жирно выведено чёрной краской: «Ёбанные интеллигенты». Здесь уже почти совсем темно, со склада свет не добивает. Ещё шагов пятьдесят – и дальше на ощупь.

Маленький медведь пробирался мимо завалов из гнутой арматуры, каких-то раздавленных механизмов и старых вагонов-саркофагов корпорации Русмикро. В нескольких из них ещё даже аварийное освещение горит. Тускло совсем, но ориентироваться можно. Поначалу в депо даже радио работало, но это когда было-то...

На пороге Кукольного дома его никто не встретил. А ведь договаривались, что должны дежурить по очереди. Сёма несколько минут подождал, разглядывая солнце: из шести ламп лучатся три – к вечеру, значит, дело. Он уже собрался спускаться – как вдруг услышал грохот. Из правого шкафа прихожей выкатился Руся вместе со своими любимыми консервными банками на верёвочке.

Смешной тряпичный жираф с выпученными глазами. Не жёлтый, как полагается, а ярко-оранжевый. И не как все – опытный образец, а уже серийный, поэтому с пришитым логотипом Русмикро на боку. Ни у кого нет, а у Руслана есть. Ну, и он из-за этого задаётся, конечно.

– Руся! – обрадованно крикнул Сёма, и жираф дёрнул в его сторону ушастую голову. – Вы почему не караулите?

Он не ответит. Никогда не отвечает.

– Иди, зови соседей, – заявил Сёма. – Доклад нужно сделать.

– Что-то нашёл? – оживился жираф. – Проход? Ещё какие-то?

– Ты позови, – уклончиво ответил медведь. – Расскажу же вот-вот.

Руслан недовольно топнул копытом, но промолчал. Задумчиво покачался, будто его трепало сильным ветром, и вдруг резко унёсся куда-то направо – наверно, к Ларе.

Дольше всех ждали Джека. Даже попугай приковылял, а щенка всё не было. Когда он наконец примчался со стороны ванной, динозавр уже яростно лупил по полу хвостом, а Лара достала из шляпки пальцы и вышивала. У щенка были дикие глаза, одно ухо мокрое, а голос опять почти не слышен. Правда Джек этим уже никого не удивляет.

Три робота, два зайца, жираф, попугай, щенок и динозавр. Плюс Лара.

– Говори-говори уже, – крикнул синий заяц, аж подпрыгивая от нетерпения, – все же теперь. Давно все уже. Говори!

Сёма сделал вид, что не обращает на него внимания, и стал разглядывать свою лапу. Она плоская, с еле заметными жилками ниточек, на пальцах кружочки из кожзаменителя, и ещё один побольше внизу ладошки... А заяц всегда спешит. Торопыга. И никак не получается запомнить, как его зовут – он же в японской серии должен был выпускаться. Второго зовут Лека, а этого... Как-то на «к», что ли. Вот был бы он «Костя» – и всё понятно, а то морока одна.

– Сёма, это уже надоедает, – подала голос Лара. – Хватит твоего театра. Можно пройти или нет?

Лара, конечно, не глупый заяц. Лара настоящая. Но она тоже не понимает. Тут нельзя говорить сразу – это даже оловянные знают. Надо подготовиться, надо чтобы все почувствовали этот... Как же его... Момент. Да-да, так он называется. А как же они почувствуют, если Сёма сразу станет говорить?

– Я сейчас уйду, – предупредил Руслан.

– Владимир Кириллович, позвольте засвидетельствовать! – зло выкрикнул попугай.

Он всегда это говорит. Вместо речевого блока у него минидиск с записью – поздравление и стих. Только по тому, как попугай выбирает слова, и можно понять, что он сейчас думает.

Сёма вздохнул.

– Вы просто какие-то метранпажи, – сказал он, задрав глаза к потолку.

Никто не стал уточнять, что он имеет в виду.

– В общем, так, – сказал Сёма, немного растягивая слова. – Проход есть. Очень слабый, меркнет местами, но есть. Я нормально сходил и туда, и обратно. И копошиться нечего – дальше будет только темнее. Сегодня надо собираться. – Он подумал и добавил: – Без всяких.

Один из роботов принялся ездить взад-вперёд. Заволновался, видимо. Зайцы совсем встали на уши: разгалделись и распыгались.

– А что с Яшей? – спросила Лара. – Для динозаврика там нормально?

Сёма кивнул. Уверенно так, со знанием дела.

– ...В этот прекрасный вечер! – одобрительно крикнул попугай.

– Битые квадраты будем фонариками подсвечивать, – продолжил Сёма, – и тогда пройдем. Только сразу два надо.

– У нас всего один, – зачем-то сказал жираф. Все и так знали.

Под потолком хрустнуло, и собравшиеся задрали головы – трещина от солнца к сводам Дома расплзлась ещё сильнее. Теперь она уже не казалась маленькой паутинкой. Чёрная грибница подъела всё пространство вокруг светила, и солнце выглядело будто бы из огромной тёмной тарелки. От этого небо стало ещё ниже.

– Ой, – прикрывшись ладошкой, всхлипнула Лара.

– Это всё конец верхнего света, – шёпотом сказал Руслан. – Орфей его обещал.

Сёме трещина тоже не понравилась. Не вовремя она. Лучше бы завтра или вообще потом. Но он бодро крутанул головой и снисходительно посмотрел на остальных: мол, что вы, в самом деле, как трусливые мыши. Ему следует именно так смотреть. Он же командир.

– Надо идти к оловянным, – сказал он, не дожидаясь, пока обитатели Дома насмотрятся на обновлённое небо.

Красный заяц испуганно забарабанил лапой.

– Не надо. Без толку. Они не дадут, – запричитал заяц, который на «к». – Давайте так.

– Нет, – отрезал Сёма, – так не выйдет. Нам фонарик нужен. Руся, идёшь со мной?

Жираф выглянул из-за Лары.

– Мы уже говорили, – сказал он, – мы слабые. Оловянные не любят слабых. Они разговаривать не будут.

– Мы будем не разговаривать, а меняться.

– Меняться? – удивился Руся. – Чем меняться?

– Это секрет, – строго сказал Сёма. – Там узнаете.

Динозавр раздражённо рыкнул и саданул хвостом так, что вокруг началось маленькое землетрясение. Один из роботов упал, и два других принялись его поднимать. Соломенная шляпка Лары съехала набок, и кукла огорчённо вздохнула.

– Ах, Семён, – произнесла она укоризненно, поправляя причёску, – сколько уже можно? Это совершенно не нужные тайны!

Но на сей раз Сёма не поддался. Есть план, и он будет всё делать по плану. Хотите идти – пожалуйста. Не хотите – дело ваше. Он и один справится. Вернётся и скажет: фонарик лежит на пороге восьмой комнаты, можете забирать. И всем станет стыдно. А он накинёт на шею шарф и пойдёт вперёд, не оглядываясь. И пусть тогда бегут следом и просят прощения.

Сёма так замечтался, что даже закрыл глаза. Он стал представлять себе весь путь до Комнаты мальчиков, и вспомнил его довольно подробно. Вот только неясно, как в одиночку через баррикаду на пороге перелезть. Там обычно подсаживает кто-то. А если никого не будет...

Препирательства и бессмысленные разговоры всё не кончались. Сёма уже окончательно собрался идти один, когда к нему вдруг подошёл Джек и уселся у самых лап. Он что-то пробормотал, но разговорный блок снова не сработал. Все враз замолкли, а Сёма погладил щенка по голове.

После этого захотел идти динозавр Яша. Он проковылял через всю площадку и встал за спиной Сёмы. Маленький медведь слышал, как он фыркает и посвистывает. А в последний момент вызвался и Руся. Он начал болтать что-то высокопарное, но Сёма не слушал. Он сгрёб жирафа за шею и прижался к его смешной пятнистой шкуре из кожаменителя.

Выходить решили ещё до выключения солнца.

3

Любовница Марии Стюарт

Это был её апарт. Она всегда жила тут, когда останавливалась в Новом Сити – инновационном кластере, если по телевизионному. Правда, куда чаще район зовут «зубами» из-за плотно притиснутых друг к другу многоэтажек «Микрона», «Мекома» и Росастро. И плевать, что челюсть кривая – крайний левый «зуб» торчит как коронка, плохо подогнанная по размеру, а второй справа подпилен и заляпан разноцветными пломбами гигантских штендеров.

Важно, что апарт отличный – его делали по Алисиному заказу. Он похож на детскую, которая была у неё когда-то – далеко-далеко и давно-давно отсюда. В эту квартиру никого больше не селили – администрация «Музыкального города» сделала Алисе такой комплимент. Комплимент от шефа.

Её личный пряничный домик с привкусом детства. Кругом разложены большие мягкие игрушки, за стеклом серванта сидит плюшевое облако из «Времени приключений» с нахально высунутым языком. А на синих обоях проглядывают контуры маленьких жёлтых звёздочек. Если погасить люстру и бра, звёздные пятнышки какое-то время будут светиться, а в комнате станет уютно и приятно одиноко. Как будто это такая маленькая тайна, которую больше уже никто никогда не узнает.

– Ты же здесь спала с Алишером? – спросила Юлька, которая, оказывается, уже просочилась из коридора.

Алиса неопределённо повела головой.

– Да ладно, Лис, это все знают, – подхихикнула Юлька.

Алиса ничего говорить не стала. Она прошла вдоль серванта, шёлкнула по носу облако и остановилась у зачем-то поставленной на полку собственной фотографии. На ней Алиса стояла с закрытыми глазами и, хотя видно её было только по пояс, почему-то казалось – на цыпочках. Вроде бы это был концерт в Риге. А может, в Таллине, размылось уже...

– Выключи свет, – сказала Алиса Юльке.

– Для интима ещё рано.

– Вот дура. Выключи.

Юлька показала язык и, демонстративно отвернувшись, ушла из комнаты. Можно, конечно, и самой дойти до выключателя, но это же надо поднимать и переставлять ноги. А они вдруг стали тяжёлыми и неудобными. В них как будто желе накачали. Алиса резко почувствовала, что силы кончились, и земля кружится, даже когда стоишь на месте. Заныла шея, и закололо слева в районе поясницы. Опять почка, наверное.

Нет, никуда она не пойдёт. Она упадёт на синий диван и уже не будет подниматься. Подниматься нет никакого смысла. И необходимости тоже нет. Юлька, конечно же, вернулась и хлопнула ладонью по выключателю. После чего подошла и, взяв Алису за плечи, довела её до дивана. Аккуратно уложила, заглянула в лицо и притворно погрозила пальцем.

– С тобой посидеть? – спросила она негромко.

Алиса отрицательно помотала головой и закрыла глаза.

– Иди давай.

– Баю-бай, – сказала Юлька. – Ты только недолго медитируй. А я в душ.

Она снова ускользнула в свою комнату, но, судя по звукам, бар заинтересовал её гораздо больше, чем водные процедуры. Было слышно, как Юлька открывает бутылку – скорее всего, земляничного ликёра, она всегда его в райдер включает, – как сыпет в бокал лёд и звенит какими-то железяками.

– Говно, – услышала Алиса Юлькину оценку.

Она закрыла глаза. А потом снова открыла. Её окутало дежавю: показалось, что она абсолютно всё знает про ближайшие секунды. Про этот сумрак и ломтик луны в окне. Про дребезжащую в коридоре тележку, про льющуюся в ванной воду и про то, как будут выглядеть пальцы, если на них смотреть в темноте.

Алиса поводила рукой перед лицом, стараясь эти самые пальцы разглядеть. Чего-то не хватало. Чего-то неуловимо важного. Настолько важного, что даже сердце ёкнуло. Она попробовала удержать это ощущение – как удерживала иногда отпечатки только что закончившихся снов. Но уже всё. Дежавю растворяется, и его, похоже, не поймать.

– Ты видела этих, на танцполе-то? – спросила она Юльку.

Та не ответила – наверное, действительно пошла в душ.

На столике у дивана стоит бутылка белого Массандровского портвейна. Такая же, как обычно. Такого же вкусного. Алиса, не глядя, пошарила рукой по стеклянной крышке стола, но штопора не обнаружила. Можно, конечно, включить свет, но это снова идти...

Алиса подтянула под себя ноги и свернулась калачиком. Она только обняла колени руками, как глаза сами собой закрылись, и она плавно соскользнула в сон. Вокруг плыло что-то розовое и тонко-прозрачное. Сверкали точки золотистых искр. Казалось, мир задрнут от взгляда занавесками, отдёргивать которые нет никакого желания – там всё равно ничего интересного. Хочется закрыть глаза и уснуть уже во сне...

В дверь постучали.

Алиса открыла глаза и несколько секунд соображала, давно ли она отключилась. Вроде бы не очень. Потянулась – и тут же застонала, почувствовав ноги. Даже двигать больно.

Мимо босяком прошлёпала полуголая Юлька. Выглянула в глазок и сонно поинтересовалась, кто там.

– Юля, это Максим, – сказали из коридора. – Алиса уже спит?

Юлька зевнула.

– Куда там, – пробормотала она себе под нос, – спит она. Любит и ждёт.

Алиса вздохнула.

– Минуту не входи, – предупредила Юлька и, щёлкнув замком, поскакала к себе.

Ещё до Макса в комнате оказался аромат его kenzo. Яркий сандаловый запах, очень приятный, если в гомеопатических дозах. По крайней мере, Алисе когда-то нравился.

Макс сделал несколько аккуратных шагов и остановился.

– Лис? – тихо позвал он. – Ты как?

Алиса тряхнула головой и приподнялась.

– Плыви уже сюда, – позвала она в ответ, – выпьем.

Он не сразу привык к темноте. Он и так почти не видит, а тут – темень. И всё же Макс как-то прокрался. Обхватил её за плечи, затем провёл рукой по волосам и скользнул губами к кончику уха. Сейчас укусит...

– Это дурная привычка – спать в одиночку, – шепнул он.

Алиса хмыкнула. Она вдохнула kenzo и почувствовала, как ей становится спокойнее. С ним всегда так. Алиса тронула Макса за руку: какая эта рука горячая! У неё самой – вечно замёрзшие ладони. На концертах так вообще лёд. Лёд...

– Будешь Массандру? – спросила она, бодая Макса в щетинистую щёку. Макс вместо ответа снова напал на её ухо.

– Какое свинство, что сейчас нужно идти, – в какой-то момент тихо сказал он.

– Идти? – Алиса встрепенулась. – Куда идти?

Макс вздохнул. Он попробовал Алису приобнять, но она тут же отстранилась.

– Максим, куда нужно идти? – уже в полный голос повторила Алиса.

Тот нерешительно поёрзал и всё же отсел чуть в сторону.

– Лис, из местной безопасности приходили, – сказал он, слегка похлопывая себя по ноге, – следак должен с тобой поговорить. Народ же пострадал.

– Ты с ума сошёл? – тихо спросила Алиса. – Нас после всего полтора часа заставляли подписывать дикие бумажки. А теперь ещё и допрос среди ночи?!

Макс поднял вверх руки, будто сдаваясь.

– Солнце, ты же знаешь, что мы никогда не ходим к ментам. Ты не ходишь. Никогда. Но тут случай уж больно... – Макс помолчал, подбирая слова. – Случай ни на что не похожий. И там не из КВНа ребята, совсем. Я уже общался.

– Не из КВНа... – повторила Алиса. – И когда?

– Ну, ты же понимаешь, раньше сядем – раньше выйдем.

– Ох, – скривилась Алиса, – избавь меня от этих пошлых шуточек. Я тебе тысячу раз говорила, что терпеть их не могу.

Она встала и подошла к окну. Резко отдернула штору и прижалась лбом к стеклу. Внизу, где-то на дне пропасти между корпусами госкорпораций, вспыхивали и гасли огоньки. Это, наверное, новогодняя ёлка, которую они видели, когда подъезжали. Большая такая и очень иностранная – с белыми ангелами.

– Выйди, – сказала Алиса поднявшемуся вслед за ней Максиму, – я одеваться буду.

* * *

Из-за резкого спуска в скоростном лифте у неё разболелась голова. Макс хотел, чтобы их добросили по транспортному этажу «Микрона» на машине, но Алиса отказалась – идти пешком минуты три, а объезжать можно и все десять. На входе в управление безопасности, ещё до турникета, пришлось уже в который раз прикладывать палец к какой-то пыльной подушечке. Затем ждать, пока у охраны что-то с чем-то соединится и отпечаток опознают. А потом всё равно расписываться в журнале посещений.

На 34-м этаже они вышли одни, Максим – чуть впереди. Алиса отметила, что он по-прежнему прихрамывает на левую ногу. Сломал её, когда катались на лыжах в Австрии. Уже год прошёл, а он так и не восстановился. И затылок стал совсем седым. Или он и был седой? Нет, кажется, ещё в прошлом году не был.

Не надо, наверное, было на него набрасываться. Из-за стрельбы и впрямь могли всех поставить на уши даже ночью. Иначе бы побоялись дёргать. А вот на эти долбаные здешние корпоративы больше ни ногой. Автоматы, допросы, пафосные мудаки какие-то лезут руки целовать...

Макс остановился, ожидая Алису.

– Вон туда, – сказал он, показывая на одну из дверей справа. – И Лис, я тебя прошу, без заведённости, окей?

Алиса кивнула. Она на секунду задержала взгляд на табличке «ОСИ “Микрон”. Зам. начальника Петрушевский Алексей Альбертович», и толкнула дверь.

Внутри было тесно, с потолка сквозь тёмный плафон еле проглядывала лампочка. Большую часть пространства занимал стол, погребённый под ворохом неопрятных папок. На другом сидел хозяин кабинета, отсутствующий взгляд которого упирался в стену. Хозяйский палец гладил верхнюю страницу расшнурованного «дела».

Петрушевский перевёл взгляд на вошедшую Алису, и его глаза мгновенно поменяли выражение. На хозяйском лице проступила радость от неожиданного, но приятного сюрприза.

– Алиса Юрьевна! – воскликнул он, суетливо привставая и зачем-то двигая с места на место папки. – Ну как хорошо, что вы всё же смогли зайти!

Он выбрался из своего низкого кресла и обеими руками указал Алисе на свободный стул. Алиса в ответ смерила Алексея Альбертовича оценивающим взглядом.

Высокий худой субъект с красным лицом не то гипертоника, не то изрядно пьющего человека. Широкую плешь на макушке обрамляют редкие салыные побеги. Маленькие глаза с поволокой смотрят искательно. Костюм вполне официально-тёмный, а вот ослабленный галстук – какой-то нелепой красно-зелёной расцветки, да ещё с машинками.

Она кивнула и прошла к стулу. Петрушевский же по-прежнему стоял в позе указующего гостеприимства и лучезарно улыбался.

– Представляться нет нужды? – спросила Алиса, когда они оба всё же уселись. Петрушевский покачал головой. – Это хорошо. Ваше имя, Алексей Альбертович, я тоже уже прочитала. У вас курят?

– Безусловно, – воскликнул хозяин кабинета. Он открыл дверку стенного шкафа и вытащил из него внушительную пепельницу в виде пузатого дракона; протянул и сигареты, но Алиса отказалась.

– Спасибо, у меня свои.

Она вытащила из сумки пачку и прикурила от любезно протянутой Петрушевским зажигалки.

– У вас ко мне остались ещё вопросы? – спросила она. – Мне казалось, что я всё уже рассказала вашим сотрудникам.

Петрушевский понимающе покивал.

– Вы понимаете, такое дело. Жаль, конечно, что приходится вас беспокоить. Моё начальство сожалеет... – Он вздохнул и сделал движение плечами, из которого можно было заключить, что Алексей Альбертович хотел бы развести руками, но стеснённые жилищные условия не позволяют. – Но надо, – неожиданно обрубил он.

– Хорошо. Про что будем разговаривать?

– Про Второй фронт.

– Про что? – удивилась Алиса.

– Про Второй фронт, Алиса Юрьевна. Во всех подробностях про него.

Алиса снова пристально посмотрела на Петрушевского. Он был весь внимание и предупредительность. Протянул ей пепельницу.

– Я не понимаю, о чём вы, – призналась Алиса, – это что-то про плакат, который держали... Как вы их называете? Мне же ваши говорили...

– Доарсеники.

– Да, – Алиса усмехнулась, – нелепое слово.

– Нелепое, – повторил за ней Петрушевский. – Так кто держал плакат?

– Они и держали. Кукла, по-моему, и такой... робот, наверное.

Петрушевский выхватил из ближайшей папки голубой квадратик бумаги и что-то на нём чиркнул. Затем бросил его обратно и снова уставился на Алису.

– Ну-ну, – сказал он, – и что же?

– Ничего. Что-то там было про «второй фронт». Но я не успела понять – стрелять же начали.

Петрушевский задумчиво закачался в своем кресле. Ничего не понимающая Алиса молча разглядывала плакат, красочно иллюстрирующий план эвакуации из здания. На нём схематичные человечки давили друг друга и выпрыгивали из окон. Наверное, это была такая профессиональная шутка.

– Так я жду, – неожиданно сообщил Алексей Альбертович.

– Чего ждёте?

– Ну как чего? Рассказа о том, когда вы решили пропагандировать идеи Второго фронта.

– Подождите, – сказала Алиса, нахмурившись, – кто пропагандирует идеи? Какого фронта? Вы вообще для начала бы объяснили, о чём вы.

И Алексей Альбертович объяснил. Скучным голосом, будто читая по бумажке, он сообщил, что Алиса давно находится на особом контроле у служб безопасности «Микрона». И, конечно, не только «Микрона» – на Старой площади тоже в курсе. И что даже удивительно, что ей был разрешён концерт на таком важном государственном мероприятии, на территории кластера. И что не стоило, конечно. Но, очевидно, разные влиятельные друзья, – тут Петрушевский гадко улыбнулся, – продавили решение. И вот теперь самое время в подробностях рассказать. Особенно о подготовленном покушении.

– Извращённый бред, – сказала Алиса холодно.

Алексей Альбертович будто и не заметил её реакции. Он добавил, что Алиса Юрьевна, безусловно, может сейчас уйти, но лучше бы ей этого не делать. Потому что у него есть все полномочия задержать её как минимум на трое суток. Случай серьёзный, два человека погибли, более сорока пострадали. Никто не считает, будто Алиса Юрьевна сама всё это спланировала, и, если она расскажет про организаторов...

Всё время, пока Петрушевский говорил, в голове у Алисы крутилась одна мысль. Она вдруг вспомнила свою старую песню – десятилетней что ли давности, которая в самом деле называлась «Второй фронт». А ещё был мутный разговор в ресторане, кажется, с бывшими одноклассниками, где эту песню упоминали. Алиса удивилась, что у неё и подозрения не возникло, будто плакат на танцполе может быть с этим связан, и решила, что надо бы всё же затребовать у Макса видеосъёмку концерта.

Впрочем, все эти соображения промелькнули, уступив место сначала ощущению запредельной нереальности происходящего, а потом накатывающей волне злости.

– Вы закончили? – поинтересовалась Алиса, когда Петрушевский сделал очередную паузу. – Если это чья-то шутка, то уже пора выкрикивать: «Розыгрыш!», – я оценила. А если нет, то потрудитесь всё же без этих ваших подлёток объяснить, что такое «второй фронт», что произошло на концерте и в чём, собственно, меня обвиняют. Иначе дальнейший разговор не имеет смысла.

Алексей Альбертович не ответил; он вдруг увлёкся перекатыванием карандаша по крышке стола. Его настолько захватил этот процесс, что он наклонил голову, чтобы лучше оценить траекторию, и даже начал производить какие-то измерения пальцами.

– Вы издеваетесь? – поинтересовалась Алиса через пару минут карандашного ожидания. Петрушевский поднял на неё удивлённый взгляд.

– Алиса Юрьевна, теперь ваша очередь говорить, – заметил он. – Чем быстрее сядете...

– О боже! – выдохнула Алиса, резко встала со стула и отпихнула его от себя. – Паясничать совершенно не обязательно!

– А никто с вами не паясничает, – совершенно другим голосом ответил Алексей Альбертович. – Сядьте и прекратите ваши звёздные закидоны. Не у себя в будуаре. Да и ваш... э-э... старший друг Максим Сергеевич такое поведение не одобрит.

Алиса почувствовала, что у неё от ярости сводит скулы.

– А не пошёл бы ты в жопу! – разделяя слова, медленно протянула она.

Петрушевский пожал плечами.

– Зря вы так эмоционально, Алиса Юрьевна, – он снова смотрел на неё лучезарным взглядом хрустального идиота. – Да вы, конечно, идите, никто вас не задерживает. Только я ведь всё равно доложу по инстанции, так что нет смысла отпираться... – тут Петрушевский выдержал паузу. – Больнее будет.

Алиса хлопнула дверью.

4

Профзаболевания

Дополнительных отгулов, на которые он надеялся, к больничному так и не дали. Сказали, пять дней во второй «травме», и всё, на выход. Молодой врач, года на два, наверное, младше Андрея, похлопал его по плечу и веско сообщил:

– Повезло тебе. Оттяпали бы руку за нефиг-нафиг.

Руку не оттяпали, просто подвесили к шее на скрутке из бинтов. Ещё пострадал бок: его не то пинали, не то ходили по нему ногами. Сплошной синяк и что-то там внутри отбили. Но вроде бы поправимо.

Сначала забросили в общую палату, но потом прискакал приятель Серёга Шаранов – он в здешней клинике профзаболеваний зам главного, – и Андрея тут же перекатали в отдельную. «С видом», – сказал Шаранов. Может, и с видом, ходить пока всё равно не получается. Хотя, конечно, надо будет выглянуть потом – на тридцать шестом, говорят, не то же самое, что на четырнадцатом. Иначе бы и карабкаться не стоило. Только вот на что тут смотрят? Видно ли отсюда, как рубят головы в Роснове? А как сбрасывают в нижний ад вороватых строителей аэродрома Росастро? Вот за потрошением Костыля кому-нибудь из соседских топов наверняка ведь позволили наблюдать. А если не позволили – то очень зря. Такими штуками нужно премировать. Десять лет выслуги – и можешь лично посмотреть, как будут плевать в твоего начальника. Пятнадцать – и можешь сам плюнуть. А после и оторвать кусочек на память. Топ-менеджерам тоже что-нибудь приятное разрешать. Обращать своё стадо на две недели в веру иудейскую – с обязательным соблюдением галахи. Строить пирамиду из всех записавшихся на ежегодную спартакиаду. Отдавать друг другу департаменты в ренту...

На второй день Шаранов притащил главного врача «профзаболеваний», сухощавого длинного субъекта, похожего на нацистского преступника. Во время визита тот ни разу не вынул рук из карманов халата и не отвёл от Андрея тяжёлого угрожающего взгляда. Несколько дежурных вопросов про «как вам у нас», несколько дежурных уверений в своей готовности помочь. Под конец странноватое пожелание «подольше нас не покидать» – видимо, шутка.

Андрей заметил, что после прихода начальства медсёстры начали натягивать на лица доброжелательные улыбки и то и дело осведомляться о чём-нибудь ненужном. Главврача они, похоже, не только боялись, но и ненавидели.

Ещё приходили двое молодых из безопасности. Интересовались. Записывали.

– С Константином Сычёвым вы познакомились ещё до прошлой зимы? – спросил тот из них, что в форме.

– Первый раз про такого слышу.

– Ну, вы подумайте. Может, просто забылось?

– У меня хорошая память на имена, – сказал Андрей, – по работе приходится.

– Ну, память штука такая, – безопасник покачал ладонью, отчего та завибрировала, как медуза, – лучше её перепроверить.

Они довольно быстро ушли. На вопрос, кто начал стрельбу, неуклюже отшутились. Предупредили, что посторонних, а значит и родственников, до конца расследования в палату пускать не будут. Андрей на это насупил брови, хотя на самом деле никого не ждал. Мать, слава богу, не знает, а Ленка, наверное, и так бы не пришла.

В палате было душно и пахло чем-то прелым, от этого Андрею всё время хотелось помыться или хотя бы протереть лицо водой. Он нарвал апельсиновых корок – остатков от Шарановских гостинцев – и высыпал оранжевый мусор на тумбочку. Не то чтобы уж совсем спасало от запаха, но хотя бы не так противно.

Читать не хотелось. Андрей периодически щёлкал телевизионным пультом, включая новостной канал, но очень быстро утомлялся от интонаций и снова гасил экран. А вроде бы должен уже и привыкнуть.

В дверь два раза стукнули, и она тут же открылась.

– Здорово, Дрюха! Вот, блин, дожили, где встречаемся.

Это был Санька. Санька Ростовцев. Очкастый пацан, которого Андрей таскал до туалета на выпускном. Сдвинутый на своей медицине вечно насупленный ботаник, который даже за обеденным столом говорил о последствиях лучевой болезни. Александр Николаевич – завторакальной хирургией кластера.

Андрей резко приподнялся, но тут же согнулся от боли в левом боку.

– А ну сидеть! – гаркнул Санька, подсакивая к кровати. Он несильно толкнул Андрея в плечо, прислонив его к безразмерной подушке. Сам же растёкся по приставленному к изголовью стулу. Заматерел Санька-то: стул аж заскулил жалобно.

Ростовцев и Андрей долго жали друг другу руки.

– Ростовцев, ты даже не представляешь, как я тебя рад видеть!

– Да ладно, Дрюха, – отмахнулся довольный Санька, – не лебези. Я тоже рад.

Десять минут выясняли, почему они, сволочи, 11 лет не могли найти пару дней на встретиться-поболтать.

– Одиннадцать же лет, Санька... – ужаснулся Андрей.

– Рассказывай, – хмыкнул Ростовцев, – у меня дочери уже семь.

Андрей ещё раз внимательно посмотрел на Саньку. Закабанел, конечно: морда раздалась, живот. Ну, очки снял. Но ведь тот же пацан на самом деле. Вон даже губу так же оттопыривает.

– Блять, Ростовцев, дочь семи лет...

– Ага.

Поговорили про общих знакомых. Кто где, какие новости.

– Как у вас с Ленкой? – спросил Санька.

Андрей скривился.

– А чего такое? Я не в курсе что ли? Пару месяцев назад с нею во «Вконтакте» переписывался...

– Ты какого хрена не интересуешься, как моё самочувствие?! – вместо ответа заявил Андрей.

– Ха. Нужен ты мне. Я уже карту и так посмотрел. Кости – это жопа, конечно. Но жить будешь. Нечего лазить по... как у вас эта тусня называлась?

– Корпоративный вечер.

– Корпоративчик, – хохотнул Санька, запрокинув назад голову, – песец волосатый! Корпоративчик, Дрюша, это в углах поблевать и чужих девок потискать. А у вас ёбань какая-то с переломами.

Андрей только улыбнулся.

– У меня жена по ящику смотрела передачку, – продолжал Ростовцев, – ну, и я слышал что-то с кухни. Типа террористы что ли? Рвануло ведь?

– Да кто бы понимал. Ко мне приходил лейтенант – спрашивал, что да как. Да не видел же я ни черта.

– Это поди из-за той нанохерни, которую у вас делать будут? Что это вообще такое?

– Ты про арсенид?

– Наверное.

Андрей помотал головой.

– Это долго.

– А ты в общих чертах. У меня, в отличие от тебя, и по химии, и по физике «пять» было. Так что не выдрючивайся.

Андрей принялся задумчиво водить ладонью по волосам.

– Если совсем от печки, Санька, арсенид голландия – полупроводник нового типа. Вроде кремния или германия, которые в электронике используются, но, наши говорят, революционный прямо, на порядки мощнее. Росастро, Роснова и «Микрон» параллельно занимались разработкой. Ну, и вот в субботу мы должны были открывать установку для материала солнечного качества.

– Слушай, так её же уже открывали, по-моему?

Андрей грустно хмыкнул.

– Да я её, Саня, третий раз запускаю. С каждым новым директором. И каждый запуск, как ты понимаешь, «первый».

Ростовцев вдруг внимательно посмотрел на Андрея: глаза сощурены, нижняя губа искривилась. Взгляд злой и какой-то даже отчаянный.

– Вот суки, – тихо сказал Санька, – вот же суки...

Дальнейший разговор не склеился абсолютно. Санька отвечал односложно, а чаще просто неопределённо пожимал плечами.

– Ладно, Дрюха, – сказал он, взглянув на часы, – надо уже бежать. Ты тут ешь свои ананасы, а я ещё загляну как-нибудь.

Было понятно, что он уже не зайдёт.

– Санька, – беспомощно пробормотал Андрей, – ты скажи, что случилось-то?

Ростовцев вместо ответа подмигнул, на выходе из палаты надсадно улыбнулся и поднял руку в этакое «но пасаран». Всё.

Андрей закрыл глаза. На него снова, в который уже раз за эти полгода, накатило чувство непонимания и беспомощности. Встретились-поговорили, твою мать. Что происходит? Почему человек напротив теперь смотрит на тебя как на говно? Какое слово его зацепило? Какой жест? Что, мать вашу, случилось-то?! Почему же нельзя объяснить по-человечески...

Вспомнилась школа. Санька Ростовцев что-то читает на сцене актового зала. Санька Ростовцев в нелепом чёрном костюме играет на рояле. Они вместе с Санькой бредут ночью к дому Людки Осиповой. И ещё чей-то день рождения, и они играют на трёх гитарах. И вместе на выставке моделей – самолётики такие клеить надо было...

И куда вообще все пропали-то?..

Вот Анька. Их когда-то даже любовниками считали. Четыре года работали вместе. Она его вытащила из той дерьмовой истории с капитаном безопасности, и они очень смешно упились красным полусладким. Потом ещё был Новый год с дикими танцами. Но вот Анька уехала в свой Питер – и сгнула. То есть не то чтобы потерялась – есть и телефон записанный, и какой-то старый, наверное, адрес, а попытаешься – и не вспомнишь, когда виделись или по скайпу разговаривали.

А вот Санька Лебедев – университетский приятель, они вместе списывали конспекты у Ленки. Он теперь в Ханты-Мансийске, что ли. Как и полагается, обещали звонить и ездить в гости.

Другие ещё: Серёга Сухов, Танька Васнецова, Егор... Чёрт, как у него была фамилия?

Появляются, машут рукой, обнимают за плечи. А потом – уже никого. Только пейзажи. Окукливаешься постепенно: привычки, взгляды, удобства. И никто новый через этот фейс-контроль не пробивается.

В какой-то момент ты включаешь на компьютере мессенджер, чтобы набрать кого-нибудь из зелёного списка. Кажется, столько всего произошло, – а сядешь перед камерой, и не знаешь, о чём говорить. Копаешься в ворохе мелочей, который накопился за два месяца, что вы не общались, но там или какие-то обрывки, или копеечные сериалы из жизни новых знакомых; ерунда, в общем. Даже неловко с таким лезть к людям. Сидишь и пялишься в экран как дурак.

Хорошо, что Валька Савельев остался. Валька – он, как и Ростовцев, со школьных ещё лет.

Андрей крикнул сестру и попросил телефон. Набрал Валькин номер.

– Валь, ты спишь поди? Извини. Да нет, ничего срочного. Да честно, всё нормально у меня тут. Давай завтра. Конечно.

Вот и поговорили.

Картинки со старыми друзьями ещё долго кружились в голове, и всё же постепенно мысли переползали на неизвестного Сычёва. Андрей теперь пожалел, что даже не спросил, кто это, собственно, такой. Зимой познакомились? Ну, может, мельком где-нибудь, у Светки Чадовой на посиделках или когда Илья приезжал. Народу в «Самогоне» много было, но вот именно Сычёва... нет, не было вроде бы.

На планшет ловилась только внутренняя сеть. Сычёвых в «Микроне» числилось семь человек, из них ни одного Константина. Некий К. Сычёв встречался в выдаче только раз – как соавтор доклада «От полупроводника к Проводнику. Экономические перспективы Кукольного проекта». Текста не было. Вот и гадай – тот или не тот. И что такое «Кукольный проект» опять же.

Андрей несколько раз пробовал в хронологическом порядке листать в памяти встречи, разговоры на улицах, мероприятия. Полный ноль. Ладно, пока проехали. Тогда попробуем с другого конца – от того, что вообще случилось.

История с терактом (безопасники не сказали «теракт», но телевизор кричит, не переставая) на концерте выглядит нелепо. Был бы запуск, можно было бы искать, кто плеснул хамством. А так – никакого смысла, да и уровень исполнения – школьная самодеятельность. Несчастный случай на производстве был бы куда логичней. Или даже уголовное дело, тем более, что за ним и бегать никуда не надо – Костыль как родной. Чуть-чуть добавить жару в СМИ, ещё налёт синих, – и опа, снова отложили.

Но у нас-то отложили и так!

Ещё аккуратно кивают на сам «Микрон» – мол, могли добавить драматизма. Но это уж совсем чепуха. У нас, да ещё тайно, такое организовать не смогут, даже если сильно захотят. Да и стрельба в качестве песенного аккомпанемента – это совсем другие мозги нужны.

Андрей вспомнил Алису Сикорскую: как она, закрыв глаза, стоит на цыпочках перед самым краем сцены. Мурашки просто...

Дверь без стука распахнулась, и возникла дежурная вахтёрша второй «травмы» – суровая бесцветная тётка. Ни слова не говоря, она метнула трубку с длинной телескопической антенной в ноги Андрею и молча удалилась.

– Слушаю, – сказал Андрей.

Звонила Ирка. Готовится совещание по противодействию терроризму, и прислали бумаги. Как водится, секретные. Надо срочно расписаться, а никому, кроме Андрея, вскрывать конверт нельзя. Потому что обязанности начальника ни на кого не возложены.

– Я тут ещё не очень хожу, – сказал Андрей, – может, сюда привезёте?

– Их нельзя с этажа выносить, меня эта дикая женщина из секретки специально предупреждала. Давай я попробую кого-нибудь за тобой прислать? Чтобы туда-обратно свозили.

– Нормально, – согласился Андрей, – заодно у тебя записи новостей заберу, посмотрю на досуге.

За Андреем притопали два стажёра. У обоих глаза – совсем пацанячьи, восторженно-самоуверенные. А ведь внутри уже должна быть личинка, что выест их изнутри, оставив только надутый живот и второй подбородок... Может, предложить им глистогонного, пока не поздно?

Андрей попросил одного из парней помочь одеться, и тот полез в платяной шкаф. Смешно. Смешно, когда тебе помогают натягивать штаны.

Стажёры прикатили инвалидную коляску, и Андрей не без труда в неё переполз. Поехали.

От быстрого спуска в лифте закружилась голова – всё вокруг начало резко тускнеть и расслаиваться. Опять откуда-то всплыли картинки с концерта. Сикорская сидит на краю сцены, свесив ноги, и шепчет в микрофон, – а получается пугающий, будто высосанный из детских страхов туземный плач.

– Андрей Сергеевич, – позвали над самым ухом.

Андрей открыл глаза – напротив маячило лицо стажёра.

– Андрей Сергеевич, вы дальше сами, наверное. Тут с доступом проблемы могут быть...

– Да-да, – сказал Андрей, – спасибо.

* * *

Прокатившись по знакомым коридорам, ткнулся в свой кабинет, но тот оказался заперт. Ирка выбежала из соседней двери – в чём-то сиреновом и трепыхающемся. Она наклонилась, чтобы чмокнуть Андрея в щёку, и выронила большой жёлтый конверт. Тут же бросилась его поднимать – и чуть не рухнула, не удержавшись на каблуках. Затем все трое – Андрей, Ирка и конверт – переместились в её кабинет, и Андрей расписался в форме для секретной переписки.

– Тебя шеф просил заглянуть, – сказала Ирка полушёпотом.

– А зачем, не знаешь?

Та вытаращила глаза и замотала головой.

– А шёпотом почему?

– Да не знаю что-то...

Андрей хмыкнул. Он сунул конверт в карман каталки, решив, что почитает содержимое в палате. Туда же сгрузил записанные в день концерта диски с теленовостями.

– Что у вас про потасовку-то говорят?

– В компьютерном болтают, что это «ответка» генеральному от финуправления. Девчонки слышали, что кого-то из кремниевого ловят. А вообще, Андрей Сергеевич, кто нам будет говорить-то?

* * *

Увидев Андрея на коляске, секретарша начдепа испуганно метнулась в кабинет к шефу. Моментально выскочила обратно и махнула рукой: мол, можно заходить.

Андрей проехал предбанник с кофе-машиной и пустой барной стойкой и оказался в квадратной комнатке. Почти половину её занимал приземистый стеклянный стол, вдоль которого растянулся Г-образный диван. Рядом с ним примостились несколько стульев и личное кресло начдепа. На столе стояли чайные приборы, коньяк и кондитерская мелочь.

Кроме Рябова, присутствовали ещё двое. На низком кожаном диване, практически полностью в него провалившись, сидел управделами департамента Арутюнов. Невысокий, с оттопыренными ушками и редкими чёрными волосами, зачёсанными наверх чуть ли не из подмышек, а-ля батька Лукашенко. А один из стульев занимал главный промышленный контрразведчик Власов – неопрятный человек-колобок с вечно грязными манжетами рубашек. Оба кивнули Андрею, после чего Власов стал выжидательно на него смотреть, а Арутюнов напротив, казалось, не испытывал ни малейшего интереса к прибывшему – он возился с конфетницей.

Рябов поднялся навстречу посетителю и протянул руку.

– Ну как, Андрей, всё в порядке? – спросил он с отеческой заботой.

– Нормально, Сергей Сигизмундович.

Начдеп хлопнул Андрея по плечу и без прелюдий заговорил о происшествии на концерте. О погибших и пострадавших, о неумелых действиях ответственных служб, о необходимости сделать выводы и о недопустимости «отравлять» момент запуска.

– Разрешите, Сергей Сигизмундович? – неожиданно подал голос Арутюнов.

– Конечно, Василий Очирович.

Управделами, как подводная лодка, вынырнул из-за скрывавшего его края стола. Гипнотизируя взглядом чайник и вроде бы ни к кому конкретно не обращаясь, он отрапортовал:

– Нужно молниеносное внутреннее разбирательство! Уже идут какие-то нелепые слухи, и, если всё так оставить, можно весь департамент замазать. Надо назвать вещи своими именами!

Рябов, скрестив руки на груди, задумчиво водил взглядом по потолку.

– У нас происходит страшное ЧП, трагедия настоящая! – не унимался Арутюнов. – Дело открыто по «экстремистскому сообществу», если кто не в курсе. И прятаться в это время на больничном...

– Кто и где прячется? – тихо поинтересовался Андрей, у которого от ярости даже занемели пальцы.

– Перестаньте! – отмахнулся от него Арутюнов. – Хватит вам уже огрызаться. – Он впился взглядом в Рябова. – Сергей Сигизмундович, можно один раз закрыть глаза на то, что Андрей Сергеевич – социолог, и это полное несоответствие квалификационным требованиям на его должности. Но когда он начинает заигрывать с разной внешней шушерой, и это становится достоянием органов... Я предлагаю не тянуть, чтобы к нам заявили с обысками. Андрей Сергеевич сейчас напишет признание, контрразведка его зафиксирует, и дальше по цепочке.

– Я отвечу, – сказал Андрей.

– Нет уж, я закончу! – вскрикнул Арутюнов. – Имейте совесть не перебивать! Из-за ваших художеств нас уже третий день по телевизору полощут! Вы понимаете, что на департаменте теперь «экстремистская» статья?! Что это удар по всему «Микрону» может быть? По Петру Михайловичу, который только знакомится с делами?

– Если бы не ваши известные фокусы с закупками мебели, я бы решил, что вы сумасшедший.

– Да что он себе позволяет! – взвизгнул Арутюнов и так резко дёрнулся из-за своего края стола, что показалось, будто он рискует упасть в конфеты и чайные чашки. – Мне знак почётного работника сам Славский вручал!

– Андрей Сергеевич, прекратите склоку, – подал голос Рябов, – Василий Очирович, успокойтесь, я же вам сказал: мы здесь и собрались, чтобы принять решение.

– Очень на это надеюсь, – выкрикнул Арутюнов и опал на диван. – Вы же понимаете, такое нельзя откладывать!

– Да-да, – сказал Рябов. – Борис Валерьевич, – обратился он к Власову, – что вы думаете насчёт признания?

Власов быстро улыбнулся, отчего его лицо приняло виноватое выражение. Привычным движением он провёл носовым платком по лысине и улыбнулся снова.

– Да я не знаю, что сказать, – произнёс он тихим голосом и слегка развел руками, – неприятности получились серьёзные, уверен, Андрей понимает. Кто виноват – расследование покажет. Конечно, имело бы смысл – на всякий случай – описать свою ответственность. Если вдруг у проверяющих возникнет серьёзный вопрос – мы эту бумагу положим на стол. Нет – Андрей будет жить себе дальше, как ни в чём не бывало.

И он замолчал, выжидательно глядя на Рябова.

Это было серьёзно. Вот теперь ясно, что очень серьёзно. Андрей сообразил, что эти двое уже написали на него и докладную, и характеристику. Правда, что ли, могут впаять «экстремизм»...

Андрей почувствовал, как от напряжения с новой силой начинает ныть бок. Идея, что крайним за произошедшее на концерте сделают именно его, да ещё подверстают к этому тяжкую статью, прежде в голову как-то не приходила.

– Сергей Сигизмундович, разрешите теперь мне, – попросил Андрей.

– С вами, Андрей Сергеевич, мы сейчас останемся и поговорим отдельно, – сказал Рябов. – Спасибо, коллеги, уже позднее время, отпускаю вас по домам.

Арутюнов и Власов встали и, поручковшись с начдепом, исчезли.

– Вот видите, Андрей, что делается, – сказал Сергей Сигизмундович, покачав головой. – Истерика просто.

– Это вы очень точно подметили, – согласился Андрей, сглотнув. – Истерика.

– Мне бы не хотелось, чтобы это как-то отразилось... – Рябов снял очки и задумчиво покусал дужку, – вообще на чём-нибудь отразилось. И вам ведь этого не хочется, правда?

Андрей предпочёл промолчать. Кто знает, к чему клонит Рябов.

– Я с большим уважением отношусь к тому, что вы сделали на своём посту, – продолжал начдеп, – думаю, мало кто внёс такой вклад в укрепление... В укоренение даже имиджа «Микрона», как вы. Но, Андрей, надо понимать, в какой момент мы живём...

Он ещё что-то говорил. О вызовах стране, о невозможности сейчас «притормаживать», о давлении со стороны, особенно после дела Костылева.

Андрей перестал слушать, он душил холод, выползающий из солнечного сплетения. Аккуратно, Андрей Сергеевич. Надо сконцентрироваться. Каждое слово подбирать. Медленно-медленно. Некуда торопиться. Честное слово, некуда.

– Это из-за доноса, который написали эти господа? – спросил он.

Рябов прищурился, как от яркого света.

– Да ну, бросьте, Андрей. Это я вам просто хотел продемонстрировать серьёзность настроений.

Помолчали. Андрей выжидал, стараясь не показать сковавшего его напряжения. Рябов делал вид, что о чём-то задумался.

– Андрей, а вы ведь баловались литературным творчеством, правда? – наконец, спросил начдеп.

Андрей кивнул и непроизвольно улыбнулся.

– Подёнщиной больше.

– Вот, – заявил Рябов, взмахнув перед лицом указательным пальцем как дирижёрской палочкой, – это может быть выходом.

Он предлагал вместо СИЗО – роман. Документальный. О пути корпорации к арсенидному заказу. С правильными акцентами, Минсредмашем и ответственными руководителями. Это хорошее предложение, пояснял он. Исключительное. Но действовать нужно быстро. Сдать дела и перебираться под цокольный этаж – в архив.

– Ещё до запуска? – спросил Андрей, постаравшись по возможности не дрожать голосом.

Рябов выразительно на него посмотрел.

Дальше были мелкие детали. Андрею всё хотелось садануть по столу что есть сил и матерно-дико заорать. Но это было бессмысленно, совершенно бессмысленно. Можно выкачаться со скандалом, но эти сучьи очировичи и потные власовы на радостях только ещё по сто пятьдесят коньячку накатят. И он вместо ора говорил: веско, сухо, вовсе не слушая Рябова и не пытаясь понять смысл собственных фраз. На автопилоте.

– Когда будете работать над текстом, – предупредил напоследок Рябов, – мой вам совет: не забывайте о работе контрразведки. Обратитесь к ним за консультацией ещё до согласования. И вообще – побеседуйте, установите контакт, хорошо?

Начдеп встал с кресла и кивнул, прощаясь. Андрей протянул ему руку – и тут же испугался, что сделал это зря, и Сергей Сигизмундович её не пожмет. Всё же пожал.

До палаты Андрея снова докатили стажёры. Когда перегружали на кровать, сильно дёрнули ногу, долго извинялись. Андрей попросил вытащить из коляски конверт и диски и положить их на тумбочку, а сам закрыл глаза.

Когда он их снова открыл, ему показалось, что у двери стоит какая-то девушка. Андрей сощурился, чтобы рассмотреть её получше, но вокруг плавали только радужные круги.

– Можно к вам? – спросила Алиса Сикорская.

5

Забирайка

– Жалко, что Кати нет, – вздохнул Руся.

Ну да, они с Катей больше всех дружили, конечно. Она иногда утром ему бант на шею повязывала – фиолетовый или зелёный. А он её катал по всему Дому. Больше никого не катал, только её... Вот только зачем Руся это говорит? Катю ведь и остальным жалко. Так не бывает, чтобы остальным не жалко. И Катю, и Ёжика, и Серого Собака... И зачем они только одни наверх пошли? Это неправда, что там Второй фронт. Совсем неправда.

– Давайте уже подниматься, – сказал Сёма.

Яшу оставили внизу. Он всё равно не сможет влезть на баррикаду. Стена из сломанной кукольной мебели, кусков наблюдательных камер и каких-то гнутых ржавых штырей – почти отвесная. А у динозавра только две огромные плоские лапы. Он, конечно, очень хотел бы пойти со всеми, но Сёма сказал, что Яша будет охранять тыл. Сёма не знал, что это за тыл такой, но в фильме про войну, который ему показывали старшие, так говорили про остающихся.

Динозавр обиженно свистнул и отвернулся. Но что же тут поделаешь? Ничего не поделаешь.

Первыми полезли Джек и Сёма. Они гребли всеми лапами, стараясь не осыпаться вместе с розовыми дверками тумбочек и звенящими стёклышками. Получалось так себе, Джек пару раз скатывался в самый низ. Сёма же старался всунуть лапы поглубже в баррикадную кучу. Ему казалось, что это самый надежный способ: тогда лапы уже там как будто что-то держит, и следить надо только за туловищем. В правую переднюю воткнулось что-то небольшое, но злобное. Сёма смотреть не стал, а наоборот, зажмурился и пополз уже совсем как при выключенном солнце. Как во сне.

Он даже испугался, когда под лапами ничего не оказалось, и они зачерпнули воздух. Сёма открыл глаза и увидел, что на растрескавшемся окуляре телескопической камеры прямо перед ним сидит Джек и по обыкновению восторженно пялится по сторонам. И что-то говорит, только голоса у него опять нет. Теперь без ремонта и не будет уже, наверное.

Русю вытягивали вдвоём. Джек пытался аккуратно закусить оранжевую ногу и тащить её рывком, но она всё время выскальзывала. В конце концов, вмешался Яша. Громыхая по пластиковым плитам пола, он подбежал к баррикаде и сильно боднул Русю огромной башкой под зад. Жираф подлетел вверх – и тут уж Сёма с Джеком дёрнули его со всей дури. Руся пролетел над их головами и шлёпнулся на другом краю баррикады.

Тогда Сёма сел и стал смотреть на Комнату мальчиков, которая начиналась на этой стороне. Стеллажи с книгами завешаны зелёными тряпками. Там, наверное, наблюдательный пункт. В стенке круглого пуфика проверчены амбразурные дыры, и он напоминает пустой рыцарский шлем. Из рассыпанных кубов деревянного конструктора, прямо за водяным рвом, сделано что-то вроде стен лабиринта – это чтобы по получившимся «улицам» нельзя было идти толпой, а только друг за другом. И дальше, похоже, ещё одна баррикада. И за ней ещё какая-то стена.

Сёма уже хотел рассказать всем, как надо идти, но тут заговорил голос.

Громкий, резкий, такого ни у кого в Кукольном Доме нет. Такой голос только у ловцов. И значит, ловцы всё же до них добрались. И тогда можно только бежать.

– Старший лейтенант Мясников, – говорил голос, – безопасность Росновы. Задержан бойцами «Лиги» 18 июля прошлого года, признался в массовых расстрелах...

Сёма почувствовал себя незащищённым, как будто что-то стыдное делаешь у всех на виду. Джек распластался, пытаясь стать незаметным, и уполз куда-то за спину, а Руся, вытянув шею

и прищурился, стал водить взглядом по потолку. Он даже немного покачивался от напряжения.

– Прикрываем друг друга с флангов, – пробормотал Сёма и, шагнув с баррикады, покати́лся вниз по насыпи. Он снова не знал, как это так – с флангов, – но остальные вроде бы тоже побежали: слева краем глаза заметно оранжевое пятно – это несётся жираф, а Джек катится сзади.

– Капитан Калинина, – продолжал голос, – следственный комитет кластера. Задержана бойцами «Лиги» 4 ноября прошлого года. Подписала признания в канибализме и выводе юбилейных рублей в оффшоры.

Сёма вдруг притормозил, заметив, кто на самом деле говорит сверху.

– Это неживой голос, – крикнул маленький медведь Джеку и Русе, – это как радио из вагонов.

И точно: на одной из верхних полок, накренившись и держась только благодаря хлипкой железной штанге, висела овальная плёшка экрана. Из неё и падали мерные, подогнанные друг к другу слова.

Изображение было не разобрать: вместо него – только синее мельтешение; но голос раз за разом объяснял про лейтенантов, подполковников и майоров, что они все признавались. В убийствах каких-то президентов, отравлениях питьевой воды. Один – в том, что уничтожил динозавров. Сёма даже удивился: как же так – вон Яша ведь жив. И ещё они – эти признавшиеся – все плакали.

– Зачем это такое? – на всякий случай пригнув голову, спросил Руся.

– Ясное дело, – ответил ничего не понимающий Сёма. – Это для страха.

– ...в чём угодно. Когда его бьёшь молотком по пальцам. Вам всё ещё интересно, как они добились признаний наших товарищей? – несло́сь сверху. Голос продолжал, повторяя старое, но на него больше не отвлекались.

Дальше была вода. Грязная и пенная. Да ещё посреди комнаты. Откуда взялась? Это наверняка что-нибудь сломали, или оно само испортилось – вот как солнце. Джек успел помочь на берегу лапу и даже попробовал её облизать – ему не понравилось. Мотнул башкой и унёсся вперёд, чуть не сбив с копыт Русю. Сёма шёл последним и крутил головой по сторонам. Странно, что оловянные не оставили дежурного. Может, они нашли другой выход? От этой мысли Сёме на пару секунд стало холодно внутри. Но нет, так не бывает. Нет никакого другого выхода, мы же когда-то сами проверяли.

Руся то и дело поглядывал вверх и обещал, что со стеллажей обязательно кто-нибудь будет прыгать или стрелять. Но это враки, конечно. Кто оттуда согласится прыгать-то? Высоко же очень. Да и стрелять – это залезть туда ещё надо, сесть одному и сидеть караулить. Не выглядывать, не шуршать – так и оловянные не умеют. Они же большие, и не сказать, что очень уж аккуратные.

Путь упирался в пуфик, из бойницы которого торчало пулемётное дуло. Правда, по тому, как оно уткнулось в пол, было понятно, что пулемётчиков нет, и можно, пожалуй, не бояться. Но Сёме всё равно было боязно.

Джек прижался к полу и пополз почти что на брюхе, Руся втянул шею, отчего стал похож на гармошку.

– А в кого они тут хотят стрелять? – спросил жираф. – Это в нас, да?

Сёма промолчал. Не потому что не хотел говорить, а потому что так надо. Это очень правильно – невозмутимо молчать, когда все вокруг боятся. Главное, чтобы вот это вот «невозмутимо» получилось.

Когда они поравнялись с пуфиком, оказалось, что сразу за ним раскопан большой колодец. Плиты пола пробиты, и куда-то вглубь уходит чёрная железная труба, вокруг которой валяются какие-то то ли опилки, то ли обрывки.

Сёма пошёл в их сторону, чтобы получше разглядеть, что это там такое. Но ещё до того, как он сделал десяток шагов, вперёд выдвинулся Руся. Он склонил шею-гармошку и, казалось, приготовился сунуть её в колодец. Но вдруг шея жирафа выпрямилась, и Руся побежал назад, лягнув Джека так, что шенок отлетел к стенке пуфика. Сёма хотел строго окрикнуть Русю – но увидел сам.

Это были настоящие мёртвые лапки и ручки. Не запасные, не ничейные, а именно мёртвые – вырванные и поломанные.

Руся жалобно блеял где-то сзади. Сёме тоже стало совсем уж не по себе. Он сразу подумал об апельсинах. Это Лара говорит, что надо думать об апельсинах – они красивые и тёплые. Такими их рисуют на картинках. Лара даже видела, как старшие едят апельсин, но сама его тогда даже не потрогала. Странная она всё-таки. Вот Сёма бы обязательно потрогал апельсин.

Джек всё же попытался прокрасться к колодцу. Он полз, потом привставал на задние лапы и тянул шею. Голова дёргалась вперёд-назад, точно он хотел заглянуть в колодец и одновременно спрятаться от него. Так и не заглянул. Помотал башкой, взметнув висящими ушами, и отскочил.

Сёме смотреть не захотелось. У самых его лап лежало заячье ухо. Розовое. Сначала маленький медведь думал его потрогать – вдруг всё же не настоящее. Но ему сделалось так страшно, что даже мысли про апельсины не помогли.

Он отвернулся от колодца. Представил фонарик и как он подсвечивает клетки пути. Нажимаешь на кнопку – и в центре очерченного квадрата вспыхивает огонёк, начинает пускать в разные стороны электрический пух. Облачка света расползаются и подъедают тёмное пространство. Клеточка за клеточкой выстраивается в цепочку, и вот уже готова дорога.

Дальше все трое шли, прижавшись друг к другу. Препятствия закончились. Вокруг были лишь потрескавшиеся квадраты пола, местами разбитые или как будто прорванные изнутри. Впереди темнела гора второй баррикады. Ровно по центру её разрезал проём, в который, казалось, вполне можно проскользнуть.

– Это они сделали? – спросил Руся.

«Интересно, – подумал Сёма, – жираф на самом деле думает, что кто-то будет отвечать на его вопросы, или ему так проще не бояться? Тогда ладно, тогда пусть и дальше спрашивает».

Солнце начало гасить лампочки, наступал вечер. Сёма всё высматривал какие-нибудь следы присутствия оловянных, но ничего не находил. Это маленького медведя всё больше расстраивало. Если идти, не задерживаясь, завтра они дойдут до дальней стены Комнаты. Плана, что делать дальше, в голове не водилось. Да и откуда бы ему взяться?

Добравшись до подножия баррикады – в высоту она была в три-четыре Руси (или, например, штук в пять Джеков), разведчики остановились. В проём действительно можно было пройти хоть всем троим одновременно.

– Мне кажется, он специально разобран, – заметил жираф.

Сёма сказал «кхм» и подумал, что в этот раз Руся может оказаться прав.

Первым полез Джек. Он потянул носом воздух и осторожно прокрался вглубь баррикады. Немного постоял и двинулся снова, словно пританцовывая. Наконец, опасливо заглянул на другую сторону, готовый в любой момент отпрыгнуть и понестись обратно. Но ничего пугающего не обнаружилось. Там валялись несколько кубиков и чернел кусок не до конца разобранный железной дороги.

Джек обернулся и, видимо, залаял – слышно, конечно, ничего не было. Тогда маленький медведь и жираф двинулись следом.

Под правой лапой что-то хрустнуло. Сёма хотел посмотреть вниз, чтобы понять, что и зачем так делает, но в этот момент слева завизжало. Что-то яростно дунуло в ухо с такой силой, что чуть его не оторвало. И тут же будто заколотило по стеклу железными пальцами. Сёма упал и подтянул под себя лапы – как 300 выключений солнца назад, когда в прихожую Дома

попал мешок злых светящихся шаров. Вот только свист и лязг догнали маленького медведя и стали лупить по голове.

Рядом рухнул Руся, мелькнул и пропал Джек, а вокруг продолжало рычать, греметь и бесноваться. В какой-то момент прямо около неуклюжей жирафьей головы, не желавшей никуда прятаться, отчаянно лязгнуло. Будто кто-то откусил и начал жевать несколько железных листов. Сёма разлепил один глаз и увидел изготовившуюся к прыжку металлическую гусеницу. Это был трамвай – такой же, как в недостроенном Доме-городе. Зелёный, с белой полосой пониже окон.

Добежав до конца разломанных рельсов, скоростной вагон крутанул в воздухе колёсами и с грохотом приземлился на пол. Переваливаясь с боку на бок на растрескавшейся плите, трамвай нёсся прямо на обездвиженный разведотряд.

Сёма прыгнул в сторону Руси и дёрнул его назад к баррикаде. Жираф трепыхнулся, но почти не двинулся с места. Тогда Сёма обхватил Русю поперёк и, закрыв глаза, быстро засеменял задними лапами. В этом странном танце они сделали несколько шагов и упали уже окончательно.

Трамвай шлёпнулся на землю и затрещал раздавленными внутренностями. Заскрипели оторвавшиеся вагоны, вспахивая пол железными боками. Над местом крушения взлетели конфетти из пластика, осколков стекла и железок.

Только когда яростные звон и хруст перемололи друг друга и подзатихли, Сёма отважился открыть глаза. На нём лежала тушка жирафа. В нескольких местах в неё воткнулись мелкие стекляшки.

– Руся! – позвал он и толкнул жирафа. Тот не отозвался. – Руся! – закричал Сёма изо всех сил и замолотил лапами.

По жирафьему боку прошла дрожь, и Руся ещё сильнее навалился на маленького медведя. Он перекатился и заелозил ногами по полу.

Через пять секунд на Сёму смотрел большой испуганный глаз.

– Ты видел, – прошептал Руся, – у него на боку написано «Забирайка».

– Неа, – заспорил Сёма, дёргая отдавленной лапой, – там «Выбирайка» было написано. Я помню, как такое слово на стенах рисовали.

Жираф, вопреки обыкновению, спор не поддержал. Он обходил место крушения приставным шагом, стараясь держаться подальше от обломков. Откуда-то вынырнул Джек и закрутился в Русиных ногах. Ну и хорошо. Значит, все целы.

Это, конечно, была ловушка. Капкан на тех, кто пойдёт через баррикаду. Чтобы в пыль. Чтобы только оторванные детальки валялись. Только случайно ведь не раздавило, Лара бы сказала – чудом. Но больше всего непонятно, почему никто не выходит. Должны же они посмотреть, кого раздавило их забирательным трамваем. Или выбиратьным.

Посоветовавшись, решили дальше сегодня не идти и ночевать у баррикады.

– Сегодня посидим, а завтра дойдём, – сказал Сёма.

– Куда это? – поинтересовался жираф.

Сёма опять не ответил.

* * *

Солнце погасило себя до луны. Разведчики устроили в баррикаде нору и теперь сидели в ней рядышком. Было очень тихо, и Сёма раздумывал, какая это тишина – настоящая или тревожная. С тех пор, как он услышал про «тревожную тишину» по радио, он всё не мог понять, как же её отличать.

– Сёма, расскажи о Проводнике, – попросил Руся.

Джек одобительно мотнул головой.

– Я уже четыре раза рассказывал, – будто неохотно сказал Сёма. Но это просто так полагается. Он на самом деле любит вспоминать о Проводнике, и Руся с Джеком об этом тоже знают. Это как зажмуриться, а потом открыть глаза и увидеть солнце, сочащееся сквозь занавески. Это Лара так говорит. Сёма ни разу не видел сочащееся солнце, но ему всегда казалось, что оно должно быть жёлтым и текучим. И ещё тянуться. Чтобы окунуть в него лапу, а оно бы осталось на ней...

Раньше Проводников не было, а были только старшие. Они включали озеро и маленькие луны. Они строили комнаты и приносили новых зайцев и кукол. А ещё чинили, если у кого, как у Джека, ломался голос, или лапа, или что там ещё бывает.

– И махали рукой, когда куда-нибудь уезжали, – не выдержав, добавляет Руся. Жираф знает, что нельзя перебивать, и сам тут же съёживается и пытается спрятать голову. Но Сёма этого сегодня может не заметить – он же главный сегодня. Подумаешь, глупый Руся.

Когда старшие ушли, осталось только солнце, которое мало светит и всё норовит упасть. И война, на которую стали ходить слон, оловянные и роботы. А потом и другие, которых тоже ломали. Сёма тогда прятался среди упавших из-за верхнего края неба вагонов, и однажды к нему в нору заполз старый красный человечек. Это был один из самых первых жильцов, с дутыми ручками и ножками.

Старый человечек рассказал Семе, что так долго не будет. Что ему обещал один из старших – скоро придёт Проводник. Он уведёт всех жильцов в новый дом, и больше не надо будет ходить, чтобы кого-то ломали, и вообще никого ломать не будут, потому что открыт Второй фронт. И те, которые начали бросать вагоны, проигрывают.

Проводник возьмёт всех, у кого нет каких-то деталей, на руки, и перенесёт. А остальные будут бежать рядом. И там будет дом и поле, озеро и лес. Лес – его никто не видел – но это же очень здорово! А ещё шкафы с платьями для кукол. И новое солнце – яркое и негаснущее.

Человечек сказал Сёме уходить – потому что Проводник будет искать в Доме. И Сёма пошёл, хотя сверху опять что-то бросали. А потом вагоны на месте старого укрытия обвалились, и медведь человечка больше не видел. Этого Сёма в истории про Проводника не рассказывает, оно просто само зачем-то вспоминается.

Сёма вздохнул, и тут вдруг Джек ни с того ни с сего подскочил и тяпнул его за лапу. Отпрыгнул, оцетинившись, и вжался в ноги Руся. Сёма от неожиданности шагнул назад и чуть не упал, споткнувшись о какую-то мелкую металлическую дрянь.

Они вышли из той же баррикадной прорехи. Даже не вышли, вывалились. Один – со стреляющей рукой, а ещё радист и командир. Вроде бы и в одном месте стоят, а будто бы окружают. Никакие они, конечно, не оловянные; это просто потому что солдатики. Так говорили старшие, а потом уже и все подряд.

Командир держит в руке какое-то короткое дуло. А тот, что с рукой, взял её наперевес – как автомат.

– У них нет зарядов, – шепнул Сёма, – не бойтесь.

Откуда у них заряды, если война идёт уже 526 выключений солнца. Только всё равно они большие и сильные. И надо заговорить с ними. Заговорить, пока не напали.

– Если что-то случится, бегите к Яше, – трагическим голосом сказал Сёма и порадовался: хорошо получилось, красиво.

Руся испуганно кивнул, а Джек всё скалился – может, и не слышал даже.

Сёма пошёл в сторону оловянных, стараясь переставлять лапы неспешно и держаться вразвалочку. Но это только когда представляешь – просто получается, а на самом деле – страшно.

Командир – в тёмной форме, с которой местами облезла краска, и фуражке с отколовшимся левым краем – сделал шаг навстречу.

– Как зовут? – выкрикнул он неожиданно высоким голосом. – Цель нахождения на специальной территории?!

6

Пробник ада

Звук воткнулся в левый висок и стал крутиться стоматологическим буром, уходя всё глубже и цепляя глаз. Алиса потянулась, нащупала трубку Black Diamond на столике и, подтащив её к лицу, выдохнула что-то больше похожее на «а-а», чем на «да». Никто не ответил, поскольку звонил телефонный будильник. Вообще-то сегодня пятница, и он должен быть отключён, но всё равно вопит.

Алиса отшвырнула «Бриллиант» куда-то на половину кровати Макса и снова сомкнула веки. Но нет, теперь и другие звуки осмелели и вслед за телефонным начали прыгать и скакать вокруг. Вот в коридоре бубнят чьи-то голоса, занудно воспроизводят одну и ту же терцию: фа-ля, фа-ля. А вот Юлька гремит чайной ложечкой. Поди, налила себе кофе из эспрессо-машины...

Алиса вздохнула и села на кровати. «Утро» – с неудовольствием подумала она и взглянула на часы. Чуть больше двенадцати. Концерт, стрельба, допрос – это всё вчера. Или уже позавчера?..

Юлька действительно звенела блюдами и чашками. Вроде бы даже нарочно.

– Прекрати уже, – крикнула ей Алиса, – весь этаж разбудишь.

Дверь тут же открылась, и Юлька всунула голову в Алисину комнату.

– А кто это у нас такой проснулся? – пропищала она и ухмыльнулась. – Пора вставать, ваша светлость, а то жрать вам ничего не останется.

Юлька ела пиццу, густо посыпанную помидорами и цукини. Она доставала из коробки очередной слайс, внимательно его оглядывала и, закрыв глаза, откусывала первый кусочек. Потом кивала головой и кусала ещё треть. Последнюю часть она отправляла в рот, подталкивая её пальцем. После этого делала большой глоток из своей необъятной кофейной кружки, которую всегда и везде возила с собой. С показным удовольствием жевала, громко причавкивая.

Алиса скептически посмотрела на это пиршество и передёрнула плечами.

– Как ты можешь начинать утро с этой гадости? – в очередной раз спросила она и прошла к холодильнику. Достала детское яблочное пюре, йогурт и поставила всё это греться в тёплую воду. Микроволновкам она не доверяла. Юлька в ответ особенно громко причмокнула и облизала пальцы.

– Вкуснятка, – объявила она.

Алиса поморщилась. Она терпеть не могла сюсюканий, о чём подруга, понятное дело, в курсе.

Расправившись с пиццей, Юлька уставилась в макбук. Прихлёбывая кофе, она стала читать новости с какого-то адского сайта:

– Никита Михалков приехал в колонию в трениках, – сообщила она голосом телефонного автоинформатора, – подземные карлики две недели ели спелеологов, балерины отказались ходить по Большому, лесбиянки-убийцы соскочили с грибов...

– Последнее особенно хорошо, – фыркнула Алиса.

– А про тебя, моя душа, снова ни слова, – с деланной грустью заявила Юлька и смахнула несуществующую слезинку. – Ещё один день пропал зря. Пойду утоплюсь.

Она отправилась в ванную, а Алиса на несколько секунд задержалась перед экраном ноута. Вспомнила, что надо бы погуглить про второй фронт. Только сначала одеться и вынуть йогурт с пюре.

Через несколько минут она вернулась за макбук, держа в одной руке баночку с яблочной кашей, а в другой – кофейную ложечку. Сегодня пюре казалось кисловатым и слишком

жидким. Алиса раздумывала, нужно ли себя мучить, но ложка за ложкой сводила продукт на нет, кривясь как от микстуры.

По запросу «второй фронт» вывалилась разная белиберда: магазин военной одежды, какие-то фильмы и ссылки на учебники истории. Тогда Алиса добавила: «идеология». Список обновился, но по-прежнему преобладали Рузвельт, Монтгомери и зелёные с белым танки. Алиса долго кликала подряд по всем ссылкам, без интереса проматывала никому не нужные подробности переговоров всех со всеми и всех против всех. Наконец стёрла старый запрос и набрала: «уйти на второй фронт». Картинка поменялась, и третьим номером высветилось единственное слово: «Присоединение». Слово это резко выделялось на общем фоне и казалось рисунком, выполненным детской рукой без всякого старания, как если бы двоечника заставили тренироваться в прописях.

В ответ на щелчок мыши «Присоединение» раскрылось окном, будто прорезанным корявой чёрной надписью: «Рабство спадает с плеч. Мы уходим на Второй фронт». Алиса вздрогнула. Эта была цитата из её песни. Изменённая – в оригинале не «рабство», а «горе», – и всё же никаких сомнений насчёт первоисточника. Алиса кликнула надпись, но её выкинуло на пустую страницу. Она вернулась к окну с перелицованной строкой, но и тут не было ничего больше, за исключением линка для отправки электронного письма. На всякий случай она скопировала адрес в заметки, хотя, что с ним делать, было непонятно.

Алиса набрала в поисковике песенный текст в изначальном варианте. К её изумлению, ссылок не нашлось. Ну ладно, как-то он просто странно индексирует... Алиса открыла другой поисковик и повторила поиск. Опять ноль совпадений.

– Бредятина, – пробормотала она и в раздражении отпихнула ноутбук.

Алиса решила посмотреть ещё и на своём официальном сайте, но и там никакого второго фронта не нашлось. Может, это оттого, что оба альбома «Любовников» ещё не отдавали выкладывать. Или всё же отдали, но не выложили? Надо у Макса спросить.

Алиса уже собралась набрать номер, но решила, что лучше всё же не по телефону. Вспомнился улыбающийся Петрушевский, катающий по столу карандаш. Старая сволочь...

Макс, словно угадав Алисины мысли, возник сам. Хлопнула дверь, и в прихожей появился профиль с длинным носом и высоким лбом.

– Очень хорошо, что пришёл, – сказала Алиса, не отходя от макбука, – как раз спросить хотела. Можешь подойти?

Макс, однако, никак на это предложение не отреагировал. Очень медленно, словно получая удовольствие от каждого движения пальцев, он расшнуровал ботинки. Затем аккуратно повесил пальто на плечики в стенной шкаф и надолго задержался перед зеркалом, скептически рассматривая своё лицо.

– Что у нас плохого? – сразу поняла Алиса.

Макс вошёл в комнату и вместо ответа пнул стоявший около журнального столика стул. Тот дёрнулся, скакнул на двух ногах до стены и с грохотом завалился набок. Макс сел на диван и задумчиво постучал костяшкой указательного пальца по носу.

– А если я погибну, пусть красные отряды, пусть красные отряды оплатят за меня, – без выражения продекламировал он.

– Максим, давай по делу.

– По делу, – повторил Макс. Он вздохнул и поёрзал на диване. Достал из кармана серебряную зажигалку с изображением львиной башки и стал подбрасывать её на ладони. – По делу выходит полный атас. Я бы даже сказал – пиздец. С осложнениями.

Он снова замолчал и внимательно уставился на Алису, как будто хотел переслать ей телепатическое смс. Алиса смотрела в ответ, сощулив глаза и наматывая рыжие локоны на палец.

– Максим, я жду.

Макс снова постучал себя по носу и отвёл взгляд.

– Лис, они отменяют концерты. И в Ёбурге, и в Челябине, и питерские. И дальше, похоже, тоже. Все концерты, Лис, весь тур.

Алисе моментально вспомнилось, как отменились два прошлогодних московских концерта. «Полтора миллиона баксов, – скороговоркой повторял тогда Макс, – полтора миллиона». Он их вроде бы где-то занял...

– Кто «они» и какие концерты? Давай без интриг и человеческими словами, – сказала Алиса.

Она вдруг почувствовала накатывающий ужас – в «полтора миллиона баксов» возвращаться не хотелось ни за что.

– Да дурочку-то тоже не включай. Кого ты вчера напосылала, вспомни, и сразу сообразишь.

– Я ничего не включаю, – тихо сказала Алиса. – Ещё раз: объясни нормально, без заёбок.

– Да перестань ты... – Макс махнул рукой, вскочил с дивана и, прихрамывая, стал ходить по комнате.

– Какого хрена, Максим, что за бред, – ошалело заговорила Алиса, которая всё ещё не могла поверить в масштаб случившегося. – Как они могут отменять мои концерты?

– Лис, ты что, действительно не понимаешь? – со смешком спросил Макс. – Ты разуй глаза, сокровище моё, не пять лет уже, головкой пора начинать думать.

Алиса скривилась. Вот это вот «сокровище моё» – за такое сразу бы надо по морде.

– Это большие дяденьки, государственные, – продолжал Макс, – они и не то могут. Если бы ты засунула свою блажь в жопное отверстие и присела на неё, сейчас бы ещё можно было пробежать по знакомым...

– Что, страшно?... – состроив плотоядную улыбку, начала было Алиса, но Макс вдруг со всей дури засветил зажигалкой в стену.

– Блять! Пять минут помолчи уже! Тебе, блять, жую азбуку, – он сжал руку в кулак. – Но из-за твоего подпрыгивания мы в таком говне – у тебя мозга не хватит представить! Теперь и тебе, и мне, и всем нашим придётся рассовывать себя по карманам и пиздошить отсюда на полусогнутых. Собирай свою подружку и других куколок – через полтора часа придёт машина!

– Ты съел несвежего? – зло шурясь, поинтересовалась Алиса.

Макс не ответил. Он закрыл глаза и тихонько качал головой из стороны в сторону.

– Знаешь... – растягивая фразы, сказала Алиса, – я всегда от тебя... многого ожидала. Но что ты будешь... колотиться как истеричка...

Макс застыл. Остановил взгляд в точке за её плечом и разжал губы в презрительной гримасе.

Алиса только хмыкнула и отвернулась.

В этот момент в комнату ввалилась Юлька в двух полотенцах: одно на голове, второе замотано до груди.

– Что это тут такое делается? – спросила она своим обычным мультяшным голосом, придерживая вавилонское сооружение на голове. При этом по сощуренным глазам было件нятно, что Юлька на сей раз совершенно серьёзна. Когда-то, так же сощурившись, она два раза полоснула ножом своего Славика.

– Да ничего, Юля, не происходит, – сказал Макс. – Лис всегда чуть-чуть дребезжит перед любой большой поездкой.

– Я никуда с тобой не поеду, – холодно сказала Алиса. – Сваливай куда тебе надо. И голову прячь получше, чтобы не застудить.

Максим вскинул левую руку, сверился с часами и спокойно, глядя мимо Алисиного плеча, сказал:

– Пятнадцать минут жду в машине. Потом будешь заниматься транспортными вопросами сама.

– Сваливай! – повторила Алиса.

Юлька проводила Макса до двери, где была приобнята и чмокнута в левое ухо. Алиса не двинулась с места.

– Краса моя, ты это не по дури решила? – спросила Юлька из коридора, задумчиво рассматривая пачку банкнот, сунутую ей Максом.

– Нет, звезда моя, я здрава до жути, – ответила Алиса, чувствуя, как сердце дёргается, а пальцы рук и ног стали ледяными.

– Окей, – сказала Юлька, – смотри только, чтобы потом не было мучительно больно. – И тут же, без паузы: – А всё же какой он у тебя чмошник. Они у тебя все такие...

* * *

Зимой всегда темнеет рано, но в этом году день просто не наступает. На смену мышино-серому утру приходит сумрачная возня в тумане: мутные сполохи, плетение блёклых паутин, а в итоге, так и не разгоревшись, дневной свет затухает. И сразу ночь. Поэтому нет смысла искать место, откуда можно увидеть панораму: эта страна, этот город, эта зима – всё здесь придумано не для туристов. Не для зеркальных камер в руках девочек-хипстеров. И не для местных, решивших погулять по набережным. Это всё – для ужаса и отчаянья. Для снега и копоты. Для машин, которые никуда не едут и только мигают фарами. Это такое специальное место – пробник ада.

Алиса старалась никогда не ходить по этому городу зимой. А если всё же придётся, сразу забираться в кафе «Меланж» – то, что на Августовской площади, с прозрачной крышей, внутри садика с разлапистыми дубами и липами. Ну и что, что на деревьях нет листьев, – зато их ветви усыпаны цветными мигающими лампочками, и кажется, что сидишь под новогодней ёлкой. А вокруг – Новый год. Ради праздника можно вытерпеть даже чуть-чуть зимы. Впрочем, только чуть-чуть, максимум на три глнтвейна.

Наверное, впервые она добрела до «Меланжа» одна. Бросила такси ещё на подъезде к парку, вышла прямо в застывший автомобильный поток. Боялась, что не найдёт дорогу впотьмах, но нет – асфальтовые дорожки оказались подсвечены наземными огоньками, как на взлётной полосе.

С ассортиментом в кафе негусто: только чай-кофе-глнтвейн и своя выпечка. Хотя горячий миндальный кекс, который подают не на тарелке, а на тонкой деревянной дощечке, – очень даже ничего. И, конечно, здешнее безе.

Минут через пять, как принесли глнтвейн, к Алисе начал клеиться какой-то debil в доисторической кожаной куртке. Тряс в руке бутылку шампанского (откуда оно у него, кстати? здесь же не продают, с собой что ли всё время носит?), клоунски улыбался и гладил себя по измазанному гелем волосам. Бр-р-р.

Алиса послала его лесом, и хмырь угрожающе навис над столиком. В тот момент, когда уже можно было пугаться, возник администратор и хмыря дематериализовал. Всё-таки в «Меланже» Алису стараются опекать.

На втором глнтвейне и третьем безе появилась Юлька. К стеклянной палатке кафе из темноты подплыла зелёная шапочка с помпоном, зелёная куртка, зелёные сапоги и оранжевый шарф.

– Привет, королевщина! – крикнула Юлька с порога и, не раздеваясь, пошла за едой и питьём. Вернулась она с подносом, на котором подпрыгивала ваза с печеньем и большая чашка кофе.

– Как ты? – спросила Юлька, усаживаясь напротив и по-кошачьи заглядывая Алисе в глаза.

Алиса дёрнула плечом.

– Не звонил?

– Юль, я тебя умоляю...

– Ну ладно. Решила, куда теперь?

Алиса дёрнула плечом снова.

– Слушай, – Юлька глотнула кофе и взяла со стола пузатую сахарницу, – мне тут стрельнуло в голове – а давай, может, к Костику в Одессу? Там всё в комплекте, обстановочка жилая. И если за тобой правда топают – потеряться можно хорошо.

– То-то твой братишка нам обрадуется.

Юлька улыбнулась, сыпанула в кофе изрядную дозу сахара и стала чинно его размешивать.

– Обрадуется – не обрадуется, это мне, звезда моя, до одного места. Он мне по гроб жизни обязан, сучонок. А Одесса, мать, сейчас чудо как хороша. Даром, что зима. И море – всё как ты любишь.

Алиса слушала вполуха. Одесса – это, конечно, хорошо, но абсолютно нереально. Надо что-то другое думать. Может, к Светке пока попроситься на ведение телепрограммы – она звала вроде. Это, конечно, если ещё навыки не подрастеряла. С другой стороны, дурное дело – нехитрое...

Двое за столиком справа внимательно разглядывали Алису. Оба в строгих костюмах и при галстуках. Алиса скосила взгляд в их сторону, и один из костюмов отсалютовал ей с фамильярностью давнего знакомого.

– Юль, – сдавленно прошептала Алиса, – вон те, справа через столик...

Юлька подняла голову и, с глупейшей улыбкой и с видом пастуха, пересчитывающего своих овец, осмотрела весь зал.

– Это у тебя, Аличка, нервы, – сказала она. – Кафе, считай, имени тебя, вон и на стене за барменом фотка висит. Типа: наши люди. Так что скажи спасибо, что к тебе каждый второй на шею ещё не вешается.

Алиса сглотнула. А может, и правда, может, действительно узнали просто.

– Давай-ка вот что: пока ты думаешь, мы завтра с обедика в больничку ходим.

– В какую больничку? – не поняла Алиса.

– В пафосную, конечно. Мне Серёжа Куприянов обещал, что лапу посмотрят, ты же знаешь, я опять как с костяной ногой. А ты, мать, тем временем пройдёшься – проведешь пострадавших во время твоего концерта. Там пара-тройка репортёров нарисуеться – я переговорила уже, – заснимут, какая ты сердобольная. И всем хорошо.

– Да не хочу я никуда, – заартачилась Алиса.

– Да ладно уж, звезда моя, мне всё равно врачам сдаваться. Так давай хоть сейчас вместе держаться будем, а?

Алиса ещё раз оглянулась на салютовавшего ей костюмного парня и ничего не сказала. Юлька не без основания сделала вывод, что победа за ней.

– Слышала, кстати, Димка Юрков умер? – спросила она, меняя тему. – Меня сегодня мамуля убила этой новостью.

– Да ты что!

– Ага, – сказала Юлька. – Помню его. Такой вечно с немойтой головой, всё грецкие орехи в ладони размалывал. На басу ведь играл?

– А что случилось-то? И когда?

Юлька пожала плечами.

– Сердце, наверное. Сейчас кого из мужиков ни возьми – всё сердце.

Алиса схватила со стола телефон.

– Айрат, – закричала она в трубку, когда гудки кончились на коротком «ага».

– Привет, Рыжая, – сказал Айрат вроде бы с облегчением. – Ну хорошо, что звонишь.

Всё было правдой. Месяц назад Дима Юрков – бывший бас-гитарист «Любовников» – получил несовместимые с жизнью. Машина зацепила ограждение моста и рухнула с эстакады на семь метров вниз. Древний Opel Astra. Чужая почему-то машина, но он сидел за рулём, а на соседнем кресле – какой-то парень. Того ещё пытались откачать, а Дима – так сразу.

А ведь он действительно любил давить в руке грецкие орехи. И ещё «The Wall» всё время наигрывал. И сын у него маленький, кажется...

– Ты почему мне не сказал, скотина, – всхлипнула Алиса, – хоть бы на похороны...

– Да я сам только через неделю узнал, – оправдывался бывший директор группы. – Наташка никому не позвонила. Ну ты же в курсе – она всегда такая гордая белка была. Ну и вообще она нас не очень... Мы ей там кулёчек со всех собрали, а она послала меня куда подальше. Дверь не открыла... в общем, не хочет разговаривать.

– Боже мой, Айрат, – всхлипнула Алиса.

– Ага, – виновато сказал тот. – Такая селяви, Рыжая. Второй за полгода Димка-то. Как сглазили, да?

Алиса на несколько секунд отключилась. Слова «второй за полгода» проплыли перед ней, как афиша, которую разворачивают ленивые рабочие.

– Почему второй? – спросила она на автомате.

Айрат не ответил. В трубке что-то негромко шипело и говорило еле слышными голосами уличных прохожих.

– Айрат!

Трубка вздохнула и в ней кто-то заскрёбся.

– Я думал, ты про Анюту-то знаешь...

7

Пуш-ап эффект

– У меня тут обход жертв горе-концерта, – сказала Алиса вроде бы извиняющимся, но в то же время определённо издевательским тоном. Она облокотилась на дверь и внимательно рассматривала Андрея. – Вы ведь тоже жертва?

– Даже не знаю, – удивлённо протянул Андрей, – а похож?

Гостья повела плечом.

– Мне кажется, что мы с вами уже где-то виделись. Довольно пошлая фраза для начала знакомства, но что вижу, то пою, – она закатила глаза и уронила руки, до этого сложенные на груди. – За пошлой фразой – пошлый каламбур. Какая феерия!

Андрей отметил, что Алиса вблизи совсем не похожа на свою концертную модель. У кэжуал-версии отсутствуют не только блёстки и крылья, но и добродушно-успокоительный взгляд. Холодные зелёные глаза прищурены, уголок губ скептически приподнят. А грудь у неё, кстати, впечатляющая.

– Здесь ведь нельзя курить? – обречённо спросила кэжуал-Алиса.

– Нельзя, наверное. Но вы – курите. У меня приятель – зам начальника медсанчасти, так что расстрелять в подвалах корпорации нас за это не должны.

Алиса оценивающе посмотрела на окно, потянула себя за рыжий локон и стала накручивать его на палец.

– Обойдусь. А то надоело мне что-то сегодня скандалить, – она криво улыбнулась и тряхнула волосами. – Я посижу с вами несколько минут, ничего?

– Конечно. Я-то точно никуда не тороплюсь. Главное, чтобы мне потом ваши поклонники вторую руку не сломали, – изобразил вежливую улыбку Андрей.

– Перестаньте, – вдруг сказала Алиса мрачно. – Давайте без этого, ладно? Без смехуёчков про таланты, поэзию и автографы. Вы производите впечатление вменяемого человека, давайте его сохраним, а то у меня сил уже никаких нет на дебилов.

– Вы мне льстите. Но давайте попробуем.

Гостья села в старое кожаное кресло неприятного светло-коричневого оттенка. На его подлокотниках мелкие потёртости грозили вот-вот разродиться одной большой дырой.

– У человека в бинтах странно интересоваться, всё ли у него хорошо, но я спрошу. Как вы себя чувствуете-то сейчас?

Андрей хотел пошутить, что врачи долго боролись за его жизнь, но он выкарабкался, однако всё же сдержался.

– Ничего страшного, уже гораздо лучше. На следующей неделе моё тело выдадут конторе. Алиса покивала.

– Андрей ведь, правильно? Я, кстати, вспомнила, откуда вас знаю. Вы же за пиар в «Микроне» отвечаете?

«Уже нет», – хотел сказать Андрей, но сдержался и на этот раз. У него вдруг сильно закружилась голова.

Алиса, к счастью, приступа не заметила. Она вообще рассеянно смотрела сквозь предметы, Андрей же вполглаза – иначе неприлично – рассматривал гостью. Он впервые заметил на её лице веснушки – вызывающе-яркие на бледной коже. Надо же, выходит, она настоящая рыжая.

– Скажите, – заговорила Алиса, – мне давно было интересно, а ваш солнечный кластер – действительно такое гениальное изобретение? Как там по ящику говорили: главный технологический прорыв 21 века...

– Вот уж не думал, что вы смотрите ящик.

– Почему это? – недовольно поинтересовалась Алиса, но тут же отступила. – Хотя да, не смотрю, наверное. Только этого ящика везде так много, что нет-нет, да и просачивается.

Она запрокинула голову и разглядывала местами вздувшийся потолок. Казалось, сейчас она закроет глаза и уснёт.

Алиса действительно закрыла глаза.

– Расскажите мне об этой чудо-установке, что ли, – попросила она.

– Вы, боюсь, не у того человека спрашиваете, – сказал Андрей. – Я же не технарь, так, только общее представление имею.

– Да ладно. Что бы мне рассказали технари? Всё равно речи им вы пишете. Я сама с журфака, понимаю чуть-чуть.

– С журфака? Неожиданно.

– Аха, – Алиса хмыкнула, – все смеются. Одно хорошо – при моём сельском образовании можно легко считать, что его нет.

По-прежнему не открывая глаз, она рассказала, что училась в Сибири. В Красноярском государственном. Факультетский корпус стоял рядом с хлебозаводом, и между парами Алисины одноклассники бегали в фирменный магазинчик за горячими рогаликами. Сама же она специализировалась на ромовых бабах. Вот они и стали её главным учебным достижением.

На занятия Алису привозил папа, она вообще – папина дочка. И папа хотел, чтобы Алиса стала диктором на телевидении. Не ведущей, а именно диктором, потому что дикторы – люди уважаемые, это он ещё по Советскому Союзу помнил.

– Как же вас на сцену тогда утянуло? – заинтересовался Андрей.

Алиса помолчала, раздумывая, а потом просто пожала плечами.

– Да долгая история. Расскажите лучше про установку.

Андрей рассмеялся.

– А вы без затей уходите от ответа.

– Я всегда без затей ухожу. Так вы не увиливайте, мне ужасно интересно.

– Ну что вам сказать, – вздохнул Андрей, – какой может быть арсенидная установка, на которую последние пять лет, а до этого ещё три и ещё три были брошены все ресурсы кластера? Гениальная, конечно. Прорыв и коренной перелом. Дети наших детей будут нам завидовать – в какое интересное время приходится жить.

– Станный вы пиарщик, – заметила Алиса, глядя на Андрея из-под полуприкрытых век.

– А я не пиарщик. Вы же сами сказали, я – жертва.

Теперь рассмеялась Алиса.

– Отлично. Только давайте это всё-таки была преамбула.

– Ну да, – согласился Андрей. – Перейдём к амбуле...

Арсенид, стал рассказывать он, – это такой философский камень. К нему очень давно и очень многие подбирались. Огромный рынок, баснословные прибыли, перезвон орденов на груди. The winner takes it all, как учит нас группа Abba. Так что большой советский задел начали разрабатывать сразу несколько корпораций. И так десять лет подряд. Кто-то в процессе проворовался, кто-то нашёл себя в Лондоне, кто-то стал министром, – но продукта как не было, так и не появилось. Болото. Гримпенская трясина.

Тут-то и решено было обобрать со всех ветвей что выросло и слепить единого «национального чемпиона» – больше, чем компанию. Солнечный кластер.

– Так всё равно же сейчас конкуренция? – удивилась Алиса. – «Микрон» там, Роснова...

– Точно, – подтвердил Андрей. – Теперь это называется отраслевым соревнованием.

– И работает?

– Вот представьте, Алиса, что вы объявили в своей группе конкурс на новый хит.

– Ну допустим.

– И теперь басист, ударник и клавишник сидят и каждый на свой манер пишут Yellow submarine.

– Почему Yellow submarine?

– Трудно сказать. Возможно, они думают, что вы хотите именно Yellow submarine. Но, скорее всего, ничего другого просто не знают.

– Так, а в чём прикол? Я их просто пошлю с их субмарином, и всё.

– Не исключено. Но а если вы уже объявили концерт? Люди соберутся, неудобно. Им ваши ребята, кстати, уже и мелодию напели. Поклонники пишут – прямо топчик!

– Но народ-то узнает submarine. И с агентами Маккартни будут проблемы.

– Э-э-э, – покачал головой Андрей. – Зачем вы сразу о проблемах? Давайте сначала споём, а там видно будет.

Алиса с улыбкой покивала.

– Но есть нюанс. С распадом атомного гиганта Русмикро никто не знает, как получить арсенид в промышленном объёме. В «Микроне», скажем, покупали за рубежом установки синтеза, и купили не мышонка, не лягушку. Своё оборудование с покупным не стыкуется. И потом: его некомплект. Признаться в этом – нельзя, попросить новое финансирование – тем более. Какой из этого выход?

– Не знаю... Сдаться?

– Да ладно вам, Алиса. Выход – торжественное открытие. В нашем случае – четвёртой установки из двенадцати необходимых.

– А как тогда продукцию выпускать?

– Вы опять о проблемах!

– Ой, я больше не буду. А в других компаниях то же самое?

– Нот-то всего семь, – пожал плечами Андрей.

Алиса закатила глаза в притворном возмущении.

– Интересные истории вы рассказываете, – заметила она. – Но больше всего удивляет, что не боитесь этого делать.

– Да нечего здесь бояться, – отмахнулся Андрей. – Эту гостайну может выдать каждый третий сотрудник кластера. И если бы только он. В это же не одни мы играем – вся страна, и каждый по секрету. Банки дают кредиты, правительство одобряет планы, люди держатся за рабочие места...

– Ну как это вся страна? Я не играю.

– Вы не играете, вы поёте. На торжественном открытии.

Алиса на некоторое время замолчала, возможно, решая, стоит ли ей уже обижаться. В итоге пока не стала.

– Жуть какая, – сказала она, – фальшивые повелители молний.

– Молний?

– Ну, это из школьного... Тесла что-то такое изобретал, мне кажется. Магнетизм в склянке.

– А, в этом смысле...

Андрей посмотрел на Сикорскую, которая снова закрыла глаза и находилась внутри каких-то безысходно далёких звёздных систем.

– И вам нравится это всё? – неожиданно спросила Алиса.

– Что «всё»?

Алиса некоторое время подбирала слова.

– Служба. Враньё про свершения. Отрасль эта ваша с мирными атомами и – как они – арсеноидами?

– Хм. А вы всех недавних знакомых первым делом спрашиваете о смысле жизни?

– Да, пожалуй, – не стала спорить гостя. – А через сколько, считается, можно спрашивать?

– Через пару лет совместной жизни можно попробовать, мне кажется.

Алиса улыбнулась и кивнула.

– А уже не поздно, не?

– Знаете, у меня есть приятельница, которая как-то заявила, что будет худеть...

– Ох, как я её понимаю...

– И я ей в ответ говорю: Ира, худеть – это мещанство. А она мне: толстеть – ещё большее мещанство. И, знаете, я не нашёлся, что возразить. Так и здесь – лучше уж через два года, чем никогда.

Алиса водила ногтем по подлокотнику.

– То есть у нас, получается, большое будущее...

– Безусловно. Примерно через восемь установок.

Гостя рассмеялась.

– Пора мне, наверное, – сказала она, поднимаясь. – Спасибо за то, что вернули ненависть к человечеству.

– Обращайтесь.

– Знаете, Андрей, – Алиса замешкалась в дверях, – вы мне очень моего брата напомнили. Не внешне, – она яростно мотнула головой, – а то, как вы говорите... не знаю... как держитесь, может... В любом случае, спасибо за беседу.

– Один мой знакомый говорит в таких случаях: извините за компанию.

– Аха, – сказала Алиса, улыбнувшись, – но я просить прощения не буду.

* * *

На транспортном этаже было многолюдно и смрадно – кондиционеры передохли, а может, на них снова сэкономили. Андрей минут десять ждал челнока, а потом изо всех сил старался защититься руками, пока протискивался в вагон. Боялся, что больному боку достанется в давке. Сесть, конечно, было нереально, но ему посчастливилось забраться в дальний угол и облокотиться о стену. «“Банк Микрон”, – сказал усталый механический голос из динамика. – Двери закрываются. Следующая станция – “Саров-центр”. Уважайте других пассажиров...»

Монорельс шёл отвратительнее обычного. Он резко дёргался, замедляясь и снова набирая скорость, скрежетал и главное – тащился совсем уж пешком. До «Сарова» ехали минут пять, а до «Курчатовских залов» – все семь.

Если бы окна не были залеплены людьми, внизу можно было бы увидеть вышитые огнями электрические ковры-картинки: эмблему госкорпорации, фамилии директоров, цифры знаковых лет.

Прямо перед конечной, не доехав каких-нибудь ста метров, монорельс завис. Народ, уже повскакивавший с мест и жмущий друг друга к выходу, заметался, зашипел на соседей и заколотился в коллективном спазме. Андрей ещё сильнее втиснулся в угол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.